СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Ольга ГОЛОТВИНА

ДВА ТАЛИСМАНА

Любой преступник считает себя неуловимым. А зря...

Ольга Голотвина
Два талисмана

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8208577
Два талисмана / Голотвина О. В.: Авторское; Москва; 2016
ISBN 978-5-516-00243-4

Аннотация

Город Аршмир хранит много опасных секретов, но их попытается разгадать Ларш Ночная Волна из Клана Спрута, который из-за ссоры со своим дядей, Хранителем Аршмира, угодил в городскую стражу. Да-да, стал рядовым «крабом», несмотря на свое высокое происхождение!

Унизительное занятие для знатного юноши? Так считают все, кроме самого Ларша, для которого мир открылся своей темной, загадочной изнанкой.

Необъяснимым образом погиб иноземный вельможа. Связана ли его смерть с другими странными событиями, происходящими в Аршмире? Ларш попытается распутать эту сеть – а тем временем примет боевое крещение в схватках с контрабандистами, грабителями и даже… с пьяным медведем! Назвался стражником – так не робей!

Содержание

Пролог	4
1	11
2	38
3	63
4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Ольга Голотвина
Два талисмана

Артему Константинову, администратору моего сайта, – с благодарностью за неустанную борьбу с капризами моего компьютера

Пролог

(294 год Железных Времен, город Аршмир, ночь с тридцать третьего на тридцать четвертый день Звездопадного месяца).

Кажется, кто-то из мудрецов Огненных Времен сказал, что веселье дружеского пира, вино и песни гонят прочь смерть?

Мудрец ошибся. Иногда они ее притягивают.

* * *

Ночь припала к распахнутым окнам богатого особняка, прозванного в Аршмире Наррабанскими Хоромами. Ночь жадно впивала голоса захмелевших гостей, звон браслетов безумно кружащейся плясуньи, беспечную музыку, что ли-

лась по ярко освещенному залу.

Гости сидели за широким столом, уставленным яствами, ели, пили, весело смеялись.

Хозяин, бодрый, с весело блестящими глазами, не ел ничего и лишь время от времени подставлял слуге чашу – тот наполнял ее водой из хрустального кувшина. Это странное воздержание не заставляло хозяина унывать. Он шутил, смеялся, приветливо окликал то одного, то другого гостя. Время от времени он оборачивался к сидящей справа от него бледной черноволосой девушке и взглядом заговорщика указывал на кого-нибудь из гостей. Девушка брала лежащую рядом с блюдом навощенную дощечку и быстро наносила на нее острой палочкой несколько штрихов. Хозяин и девушка улыбались, разглядывая рисунок, а затем художница плоским концом палочки стирала начертанное.

Художница, единственная из гостей, пила лишь воду – вероятно, чтобы рука оставалась верной и твердой. Но от изысканных кушаний девушка не отказывалась.

Танцовщица, не прерывая неистовой пляски, в вихре лент и длинных черных кос унеслась прочь из комнаты. Из-за стола поднялись несколько артистов аршмирского театра, что пировали наравне со знатными гостями. Один из актеров, седой и осанистый, произнес, обращаясь к хозяину и умело изображая наррабанский выговор:

– О щедрейший из щедрых! О взысканный богами! Ты не смог быть на вчерашнем представлении новой пьесы – и

представление пришло к тебе! Сейчас мои товарищи по сцене прочтут для тебя лучшие монологи из нашего спектакля…

Гости притихли, внимая цветистым стихотворным строкам. Лицо хозяина, круглое и не по-наррабански светлокожее, походило на луну, снисходительно вглядывающуюся в то, что происходит внизу, на земле.

Отзвучала финальная сцена пьесы, улыбающийся хозяин жестом подозвал к себе седого актера и вручил ему для всей труппы кошель серебра.

Актеры под одобрительные возгласы гостей вернулись за стол, а хозяин поднялся на ноги и жестом призвал всех к тишине.

– Последний тост! Где «расплавленное золото»? Где бесценный подарок Хранителя?

Ночь злорадствовала за окном, глядя, как оплывают в фигурных подсвечниках огромные красные свечи, как по углам пляшут недобрые извивающиеся тени, как двое слуг вносят большой, почти с них самих ростом, глиняный кувшин.

– Это вино, – звучно произнес хозяин, – из винограда, собранного в Астахаре в году Белого Быка. Это истинное сокровище, и в Грайан оно было доставлено с бесконечными предосторожностями, словно дитя царственной крови. Оно попало в подвал Хранителя Аршмира и – о чудо! – дождалось здесь меня. Ибо щедрый и благородный Ульфанш Серебряный Корабль из Клана Спрута – да хранят боги и его

самого, и его Клан! – решил утешить меня на чужбине и даровать мне глоток солнца моей родины… Да, я знаю, в Аршмир стекаются дары всех стран, но все же я готов поручиться, что из собравшихся в зале еще никто не пробовал этого вина. И нет напитка лучше, чтобы…

Тут хозяин прервал речь, потер лоб и рассмеялся:

– Я чуть не солгал вам, друзья мои! Один из тех, кто сейчас находится в этом зале, все же пил это вино. Мой телохранитель, – небрежно указал он на стоящего за своей спиной чернокожего хумсарца, – когда кувшин был доставлен, заявил, что у него дурные предчувствия. И потребовал, чтобы ему дали отведать вина первому. Вот ловкач!

Гости весело загудели, обсуждая хитрость хумсарца.

– Нам не впервой есть из одной посуды, – весело продолжал хозяин. – Он часто пробует мою еду. Преданный слуга! Никогда не боится за себя, но становится редкостным трусом, когда речь идет обо мне. Даже проследил, чтобы открытый им кувшин вновь запечатали… Но, как видите, он жив – так пусть наполнят наши кубки!

По знаку хозяина слуги сорвали восковую печать, сняли крышку с кувшина и разлили вино по кубкам. Только черноволосая художница, покачав головой, налила себе воды из хрустального кувшина, стоявшего на столе рядом с правой рукой хозяина.

А хозяин привычно разбавил вино водой и вновь заговорил:

– Завтра, друзья мои, я тронусь в путь. Дни, что я провел в вашем городе, кружили мне голову, как это вино. И даже болезнь не помешала мне выпить эти хорошие дни, подаренные богами, до капли. До последней капли. Как осушит сейчас свой кубок каждый, кто мне не враг!

Повторять не понадобилось: гости выпили дружно и радостно.

Хозяин тоже поднес было кубок к губам, но тут курчавый, рыжеволосый молодой человек, сидящий слева от него, положил ему руку на локоть и что-то негромко сказал.

Хозяин сделал недовольную гримасу, отчего стал похож на обиженного ребенка:

– Друг мой, хоть на один вечер забудь, что ты лекарь! Да помню я, помню об умеренности! Я, между прочим, не съел ни куска, лишь наслаждался зрелищем чужого аппетита… да под твоим ястребиным взором мне бы и кусок в рот не полез! Но от «расплавленного золота» я не откажусь, даже если меня снова скрутит подагра!

Он поднял глаза – и увидел, что все сотрапезники глядят на него. И что лишь у него в руках полный кубок.

– Отстал, отстал, но догоню вас! – весело воскликнул хозяин. – Итак, я прощаюсь с вами! – И негромко добавил несколько слов на своем родном языке.

В полной тишине наррабанец осушил кубок, со стуком поставил его на стол.

– Я прощаюсь… и…

Голос внезапно сделался вялым, словно хозяин вдруг потерял интерес и к речи, и к пиру, и к гостям.

Тишина расползлась на десятки испуганных шепотков, а резко побледневший хозяин грузно осел на скамью, мешком завалился назад. Упасть ему не дал стоящий позади чернокожий телохранитель: дернулся вперед, подхватил хозяина.

Слева метнулся лекарь. Потрогал Жилу Жизни, заглянул под опустившееся веко:

– Мертв!

Телохранитель левой рукой поддерживал своего господина, но в правой уже блестел клинок: кого?!.

– Похоже на яд… – растерянным, упавшим голосом сказал лекарь.

Шепотки превратились в вихрь потрясенных бессвязных криков, из которого вырвались словно две испуганные птицы – горестный женский голос: «Но его же все любили!» и панический мужской вопль: «Мы все пили это вино!..»

Бледная черноволосая художница перевела изумленный взгляд со своего опустевшего кубка на хрустальный кувшин с водой.

А за окном ликовала ночь, перебрасывала с ладони на ладонь тяжелые тучи, завывала ветром, злобно подмигивала серпом месяца…

* * *

Судьбы людей тесно сплетены меж собой, свиты в клубок. Сцепились воедино жизнь и смерть, слезы и смех, великие события и мелочи – не разнять, не распутать.

За какой же кончик нити, торчащий из клубка, потянуть, чтобы разобраться в этом хитросплетении?

Пожалуй, лучше вернуться в прошлое – на три ночи назад.

Итак…

1

(Ночь с тридцатого на тридцать первый день Звездопадного месяца).

Вам кажется, что город Аршмир засыпает в сумерках? Не верьте ему, он притворяется.

Да, стихает буйное, разноязычное многоголосье на улицах, ведущих к морю. Да, унимается суета на набережных и вокруг бесчисленных складов. Да, пустеют рынки, закрываются щитами окна лавок. Да, мирно отходит ко сну Старый Порт, патриархальное и солидное царство рыбаков.

Зато начинает новую – лихую, злую и веселую – жизнь Новый Порт. В тавернах гуляют матросы со всех стран, просаживают нелегко добытые деньги, схлестываются в драках с портовыми грузчиками. Впрочем, те и эти, забыв старые распри, разом объединяются, чтобы отлупить забредших в их владения стражников-«крабов».

Дальше от кабаков, от пьяного гомона моряков и визга шлюх, жизнь замирает. Дома заперты на засовы, окна закрыты прочными щитами: Аршмир известен как столица воров. По опустевшим улицам лишь иногда прошмыгнет запоздалый прохожий, попытается пристать к нему проститутка-неудачница, согнанная соперницами с более «хлебных» мест, да пройдет, позвякивая оружием, отряд стражи.

И вновь тишина и темнота…

Но не надо думать, что все горожане мирно загасили огни и отошли ко сну. Под крышами некоторых домов вершатся весьма странные события, происходят необычные встречи и ведутся недобрые разговоры.

* * *

На крыльцо чистенького домика, обнесенного аккуратным заборчиком, вышли двое.

Тот, что повыше, огляделся, не заметил ничего тревожного. Неспешно повернулся к своему спутнику, негромко бросил несколько слов.

Второй с оскорбленным видом начал что-то доказывать, яростно жестикулируя, но получил удар под вздох и скорчился, хватая ртом воздух и едва не выронив погашенный фонарь, который держал в руке.

Первый прошипел побитому приятелю пару злых фраз. Тот, отдышавшись, попытался оправдываться. Короткий злой разговор… а затем высокий подбросил на руке ключ и аккуратно запер замок на двери.

Затем оба спокойно направились к калитке. Побитый засуетился, задергал засов. Его спутник оттолкнул его, отворил калитку. Оба вышли на улицу, растворились в ночи.

С крыши дома вслед им глядел, тяжело дыша, тощий вихрастый юнец лет восемнадцати. Его не заинтересовал разго-

вор двух типов на крыльце (хотя он слышал почти всё). Ему вообще не было дела до чужих забот и бед. Единственное, что ему хотелось знать, – убрались или нет «крабы», загнавшие его на крышу.

Дыхание медленно успокаивалось, сердце уже не толкалось с тупой болью в груди, а билось хоть часто и тревожно, однако все медленнее. Короткая передышка – разве не о ней мечтал загнанный звереныш, который только что пробежался от самой набережной до Двухколодезной улицы?

Конечно, «крабы» давно отстали бы, не железные они, да и дичь мелкая, не стоит возни. Но на шум погони явился второй дозор. Как свежая свора псов, перенявшая след уставшего зайца…

Сволочи, твари! Крупных грабителей трогать боятся, у контрабандистов, почитай, второе жалованье получают, а на Судебную площадь кого-то надо представить, показать судьям да Хранителю, что не зря свой хлеб жрут!

При мысли о Судебной площади парень зябко повел плечами. Ему уже было что вспомнить…

Внизу все замерло, тени не колышутся в свете поднявшейся луны… ее-то, паскуду, кто просил вылезать из облаков?

Нельзя сейчас влопаться, ой, нельзя! Первый раз загребли – под кнут поставили, второй раз перед судьей показаться – это уже каторга. Рудник. А про рудники доводилось слыхать от тех, кто вернулся… у кабаков милостыню просят, больше ни на что не годятся.

Парень коротко, со всхлипом вздохнул. Приподнялся на руках, оглядел крыши вокруг и тихо, но от души приласкал лихим словцом тех, кто мирно ужинал под этими крышами. В каждом звуке черной брани звенела зависть к спокойствию, уюту. И был в этот миг беглец – как нищий, попавший в королевскую сокровищницу.

Вор, да? А просился он в воры?..

Ладно, вроде все стихло. Можно слезать.

Юнец ловко соскользнул по каменному водосточному желобу, спрыгнул на землю, ухитрившись не растоптать маленькую цветочную клумбу, и порадовался тому, что здешние хозяева не соорудили вокруг дома забор высотой с корабельную мачту, а огородились легоньким штакетником. Видно, от ворья у них прочные двери да ставни, а заборчик – так, для красоты. Через такой перемахнуть – что комара прихлопнуть… Опа!

Воришка легко перепрыгнул через ограду – и… очутился лицом к лицу со здоровенным усатым «крабом»!

На миг оба опешили, но лишь на миг. На физиономии стражника расплылась ехидная ухмылка: мол, попался, дружок!.. А в руках парня сухо хрустнула оторванная от забора штакетина. И этой штакетиной вор врезал прямо по ехидной ухмылке!

«Краб» взвыл. За углом забухали шаги патруля, спешащего на помощь соратнику.

Метнувшись в проулок, воришка кинулся было наутек, но

путь преградила телега торговца хворостом: она въехала колесом в глубокую выбоину, как раз у ворот маленькой гостиницы. Хозяйка гостиницы вышла в проулок и всласть, во все горло разбиралась с дурнем возчиком, из-за которого порядочная женщина не может запереть на ночь ворота. Она так увлеклась этой живой беседой, что не заметила, как за ее спиной во двор гостиницы прошмыгнул загнанный бродяжка.

Взор, мечущийся в поисках спасения, наткнулся на распахнутое окно первого этажа. А голоса стражников, расспрашивающих у ворот хозяйку, помогли решиться…

Перемахнув высокий подоконник, вор очутился в полутемной комнате. В первый миг его испугал мерцающий свет свечи. Но тут же беглец с облегчением увидел, что обитатель комнаты мирно спит на кровати, отвернувшись к стене и тихо посапывая в подушку. Видно, сон сморил этого темноволосого молодого человека, он даже свечу не погасил. Вот и хорошо, вот и пошли ему Безликие сладких сновидений!

Быстрый осмотр комнаты окончательно успокоил воришку. Ничего необычного: сундук для вещей, небольшой столик, на котором догорает свеча в жестяном подсвечнике, стул и разбросанная по полу одежда: похоже, постоялец выпил перед сном. Раз сам раздевался, стало быть, слуги не держит. Для непрошеного гостя это удачно.

Беглец тихо пересек комнату, опустился у стены на пол – за кроватью, чтоб хозяин, если проснется, не сразу увидел

его – и с наслаждением вытянул ноющие ноги. Ничего он не возьмет в этой комнате. Пересидит суматоху и тихонечко уйдет…

Эх, гори она в Бездне до золы, эта жизнь бродячей псины, которая норовит стянуть кусок и сбежать, пока не ошпарили кипятком!

Даже смешно: ведь сколько растет по припортовым задворкам сопливых щенят, и каждый мечтает стать вором – самым ловким, самым удачливым, самым неуловимым… А вот он таким не был никогда. Как калека, прикованный к постели, мечтает о пустынях Наррабана или заснеженных просторах Уртхавена, так представлял он себе иную жизнь. Ту, до которой не дотянешься, как до далеких земель: собственный угол, работа, спокойное уважение соседей…

И пусть кто-нибудь скажет, что он ничего не делал ради этой мечты! Разве не он еще мальчишкой оббегал всех окрестных ремесленников: «Возьмите, дяденька, в ученики! Платить не могу, но я шустрый, я старательный, я понятливый!»

И ведь кое-кто отвечал: «А что, малец, из тебя, пожалуй, выйдет толк. Приведи своего отца, я с ним потолкую…»

На этом дело и кончалось: кому нужно в доме воровское отродье?

Аршмир считается воровской столицей? Ха! А сколько он поставляет рабочих рук на каторгу? После каждого разбирательства на Судебной площади несколько неудачников

отправляются в цепях на Рудный кряж. А на место человеческой пены, унесенной отливом Закона, всплывает новая грязь, новые ошметки. Мало ли в веселом городе Аршмире голодных бедолаг?..

Воришка напрягся: по коридору затопали шаги. Голос хозяйки взвизгнул от возмущения:

– Не дам беспокоить! Здесь у меня Сын Клана! Он уже спит!

И – стук в дверь. Резкий, требовательный.

Воришка дернулся, но заставил себя замереть. В окно прыгать нельзя. Если уж стучатся в комнату, значит, под окном кого-то поставили. Теперь одна надежда – что постоялец в полумраке не заметит его между кроватью и столом.

А постоялец (ого, Сын Клана!) проснулся разом, как бывалый наемник. Из-за высокой спинки вору было видно, как спустилась с кровати рука, сцапала лежавшие на полу штаны… и раз-раз – на пол уже спрыгнули босые ноги в штанинах.

Молодой господин с подсвечником в руках шагнул к двери, по комнате закачался свет.

Теперь постоялец был виден вору с головы до ног: юноша лет девятнадцати-двадцати, из одежды – только штаны (может, решил не открывать дверь?), широкоплечий, мускулистый, темные волосы по плечам. Лица не видно: на дверь глядит…

Тут, словно уловив чужие мысли, постоялец резко повер-

нулся, поднял руку с подсвечником.

Господин и вор встретились взглядами. Душа непрошеного гостя стала вдруг слишком тяжелой для тела, она готова была, как переспевший плод, оторваться от черешка и упасть в Бездну.

Снова послышался стук.

Сын Клана шагнул к двери.

– Кого там демоны принесли?!

А вор испытал резкое, до тошноты, облегчение. Он еще не понимал, в чем дело, но почуял, что опасность отступила. Потому что не так разговаривают, обнаружив в своей комнате неизвестного бродягу. Тут бы голос тревожный или злой… а вопрос прозвучал сонно и раздраженно. И так высокомерно, что «крабы» по ту сторону двери замялись.

Наконец прозвучало смущенное:

– Пусть господин не изволит гневаться… Конюх во дворе видел, как в эту комнату кто-то влез через окно. Лихой человек, надо думать…

– Вот именно, надо думать, – еще более раздраженно ответил Сын Клана. – А потом уже лупить в дверь. Это мой слуга. Припозднился, паршивец, побоялся меня будить, вот в окно и влез.

С той стороны воцарилась тишина. Вор обнял себя за плечи, чтобы унять дрожь.

– Хотите обыскать мою комнату? – язвительно поинтересовался молодой господин.

– Во имя Безликих, нет! – испугался «краб» по ту сторону двери. – Умоляем нас простить! Уже уходим, уходим, доброй ночи!

Удаляясь, застучали сапоги.

Знатный постоялец зажег от свечного огарка еще одну свечу, стоявшую на полке, и в комнате стало светлее.

Вор поспешно встал: немыслимо было сидеть в присутствии этого человека. Впервые он видел так близко Сына Клана. Высшая знать страны…

Спаситель истолковал жест воришки по-своему:

– Не спеши. Они наверняка обшаривают двор. Пока побудь моим гостем. – И любезно представился: – Ларш Ночная Волна из Клана Спрута, Ветвь Щупальца.

Вор, внезапно превратившийся в гостя, низко поклонился и назвался в ответ:

– Мирвик Городской Воробей из Семейства Эршис.

– Как? – восхитился хозяин комнаты и всплеснул руками, едва не уронив подсвечник. – Ой, как тебя хорошо отец назвал! До чего имя подходит!

Мирвик от души улыбнулся в ответ, чувствуя, как уходят напряжение и страх.

Он и сам знал, что имя ему подходит. Мелкий, востроносый, темноглазый, с вечно взъерошенными русыми волосами, он и впрямь походил на смешную уличную птаху, а привычка чуть склонять голову набок, заглядывая в лицо собеседнику, довершала образ.

– А то! – подхватил парень необидную господскую шутку. – Собираю крохи между чайками и воронами!

И оба засмеялись этой фразе, понятной только в Аршмире.

В порту и на припортовых улицах царили чайки, до того обнаглевшие, что выхватывали у людей из рук еду. Дальше от берега власть держали вороны, не менее вороватые и злобные. В Аршмире бытовала фраза «идти от чаек к воронам» – то есть от набережной вглубь города.

Ларш представил себе, как среди злобных, сбитых в сплоченные стаи, драчливых птиц пытается выжить мелкий юркий воробей. И сказал с неожиданным для самого себя участием:

– Крохи-то собирать, вижу, бывает опасно?

– А то! Сто лет жизни господину, выручил… топал бы я сейчас в тюрьму. А после первого судебного дня греметь бы цепью до Рудного кряжа.

– Ну, сразу уж цепью греметь! После первого ареста на рудники не отправляют.

– После первого… ну… попадался уже, кнута отведал…

Повисло неловкое молчание.

Тут бы Мирвику и заткнуться: с чего ему откровенничать перед высокородным господином? Не выдали тебя, ворюга, страже, так скажи спасибо и пошел вон…

Но потрясение от счастливой развязки еще шипело в груди отливной волной. И на излете этого небывалого приклю-

чения, которое вот-вот закончится, Мирвик выпалил:

– Да уж рад не рад, а вертись, раз за тебя отец и дед все решили! Я еще у мамки на руках орал, а люди уже говорили: «Еще один вор на свет народился!»

Ларш с новым интересом глянул на собеседника:

– Что, семейное ремесло?

– Оно самое, будь оно неладно… – Мирвику стало стыдно за свою вспышку. Какое дело господину до бед уличного бродяги? Но заткнуться посреди беседы было невежливо, и парень продолжил, стараясь казаться беспечным: – Да оно бы ничего, в Аршмире таких много – и живут себе, удачей похваляются, добыче радуются, а что придется сдохнуть на руднике или в удавке, так уж это на роду написано. И мне бы так, отец с дедом не дурнее меня были. Да, видно, Серая Старуха мою колыбель повернула…

– Что? – вскинулся Ларш. – Как ты сказал?..

Воришка дернулся в испуге: неужели прогневал господина?

– Ну, в народе так говорят, – поспешил он объяснить. – Мол, Хозяйка Зла тайком подберется к колыбели, повернет ее – и растет потом ребенок не в мать, не в отца…

– Я знаю, – взял себя в руки Ларш. – Просто я… просто сегодня мне пришлось услышать эту поговорку…

* * *

Седеющие темные волосы, пронзительные зеленые глаза, высокие скулы, крючковатый нос, сердито сжатые губы… Ульфанш Серебряный Корабль, Хранитель города Аршмира, и в хорошем настроении внушает окружающим трепет, а уж в ярости…

– Тебе Многоликая в детстве колыбель повернула! Иначе как бы мог в Морском Клане вырасти трусливый щенок, который боится моря?!

Ларш стискивает зубы. Посмел бы это сказать другой человек!.. Но ведь не бросишь вызов на Поединок Чести брату отца, который несколько лет заботится об осиротевшем и оставшемся без гроша племяннике.

– Со времен Двенадцати Магов, – продолжает громыхать дядя Ульфанш, – Спруты, Акулы и Альбатросы – Морские Кланы! Назови хоть кого-то из твоей родни, кто ни разу не вышел в море! Ну, назови!

«Тетушка Аштвинна», – едва не срывается с языка юного Спрута, но он вовремя сдерживается: дядя сейчас явно шуток не понимает.

– Твой отец погиб в боевом рейде! А тебя укачивает, да? В шлюпке сознание теряешь? Подумаешь, беда какая!

Ларш безнадежно молчит. Он уже пробовал объяснить дяде, что дело не в морской болезни. Он согласен травить

за борт, согласен на подкашивающихся ногах ходить по проклятой палубе и с трудом вспоминать собственное имя. Не это самое жуткое. Но как справиться с ужасом при мысли о том, что под ногами у тебя бездонная пропасть, что лишь ненадежные доски отделяют тебя от вязкой, заманивающей вглубь черноты? От этого кошмара цепенеет тело, путаются мысли, обрывается дыхание…

Разве растолкуешь это человеку, который в возрасте Ларша уже чистил морские пути от пиратов? Человеку, который не раз ходил на абордаж и тушил пожар на своем судне? Человеку, которого дважды снимали с обломков разбитого корабля?

Ульфанш, моряк и потомок моряков, истинный Спрут, хмуро глянул на племянника. Повертел на пальце массивное кольцо с темно-зеленым камнем, которое носил не снимая: символ власти Хранителя!

Молчание потупившегося юнца он принял за раскаяние.

– Закончим этот разговор. «Плавник» – надежное каботажное судно. Пойдешь вторым помощником. Я попрошу капитана быть снисходительнее и терпеливее. Короткие рейсы вдоль берега, почти все время суша на глазах… даже такой трусишка справится!

Ну вот, опять! Но второй раз Ларш не намерен молча глотать это слово!

Вскинув голову, он отчеканил:

– У меня уже было два Поединка Чести, я любому забью в

глотку слово «трус»! Дядя, я не хочу и дальше сидеть у тебя на шее. Всё, о чем я прошу, – дай мне должность. На суше. Любую. Я справлюсь.

Ведь может, может! И в таможню пристроил бы по одному слову, и у себя во дворце место бы племяннику нашел…

Так нет же! Насупился, скривил тонкие губы:

– Так ты ничего не понял, мальчишка?.. Что ж, ты нуждаешься в хорошем уроке. Клянусь Безымянными, ты его получишь!

* * *

Спрут тряхнул головой, отгоняя неприятное воспоминание, и сказал с чувством:

– Эти семейные ремесла… из поколения в поколение… просто рабство, иначе и не назовешь!

– А то! – горько отозвался Мирвик. – А ведь не везде так! Ежели, скажем, в семье музыкантов растет ребенок, который скрипку от барабана по звуку не отличит, его не мучают всякими флейтами да лютнями, другое дело найдут! А тут… если еще мелкий, сам воровать не можешь, так хоть на углу стой да ветер слушай, пока старшие воруют…

«А кто родился в Морском Клане, обязан выходить в море на смех селедкам…» – подумал Ларш. Пристально глянул на воришку, который неожиданно оказался собратом по несчастью, и строго спросил:

– Работу искал?

– А то!..

– Последний раз – где?

– В театре.

– Где-где?!

– Ну, не актером, ясное дело! Мне подсказали, что им человек нужен – декорации ставить, зал подметать, в светильники масло наливать. Я и сунулся…

– И что?

– И как всегда. Вроде и народу на площади немного было, когда меня пороли, а поди ж ты… куда ни ткнешься, везде встретится гад, который на это дело любовался. Причем глазастый и памятливый гад. Ну, сказали мне, чтоб я валил промышлять в порт или на рынок. Дураки, между прочим: уж на них-то я работал бы без денег, за угол и кормежку.

– Любишь театр? – оживился Ларш.

– А то! Я у них все пьесы пересмотрел. Есть деньги – так по-людски, на скамье, а нет денег – можно втихаря пролезть. «Принца-изгнанника» шесть раз глядел!

– А «Воля Безымянных»? Помнишь, Раушарни играет отца той девушки…

– А то! Поднимает этак руки и говорит: «Все ветры времени песком забвенья позор мой не сумеют занести…»

– Здорово! Только руки он не поднимает, а вот так простирает перед собой…

– Нет, простирает потом, когда упрашивает дочку вер-

нуться домой…

– Не спорь, я в ложе сидел, оттуда лучше видно!

– Господин в ложе, а я на потолочной балке, над самой сценой!

Двое страстных театралов на миг забыли свои горести. И было это совсем не удивительно, ибо театр, любимое дитя Аршмира, кружил голову и пленял душу почти всем горожанам, от Хранителя до мусорщика.

– Так! – Сын Клана взглядом нашел свою рубаху. – Сейчас оденусь – и пойдем.

– Куда? – струсил воришка.

– В театр. Будем тебя к делу пристраивать. – Спрут уже натягивал рубаху. – Мне помочь нельзя, так хоть тебе попробуем.

От восторженного изумления воришка пропустил мимо ушей странные слова господина о том, что ему нельзя помочь.

– Меня?.. В театр?.. А… Да… – Мирвик глянул за окно, где начало светать. – Господин думает, что они в такую рань уже встали?

– Плохо ты их знаешь! – хохотнул Ларш. – Они еще и не ложились!

* * *

Они еще не ложились – главные актеры труппы, ее гор-

дость и хозяева театра. Они сидели вчетвером за столом, на котором вперемешку с остатками ужина разбросаны были перья и исписанные листы бумаги. Рядом с опрокинутым кувшином стояла чернильница.

Вид у корифеев сцены был измученный и несчастный. Особенно тонул в унынии великий трагик Раушарни Огненный Голос. Он по привычке играл, подчеркивая свое мрачное настроение картинной позой: уронил лицо в ладони, безнадежно опустил плечи.

Остальные, беря со стола то один, то другой лист, пробегали глазами написанное, отшвыривали листки, вертели в руках перья, перебрасывались тоскливыми репликами.

Когда раздался стук в дверь, Раушарни раздраженно вскинул голову и приказал:

– Пузо, глянь, кого там демоны принесли.

Румяный толстенький комик, не обижающийся на прозвище Пузо, лениво направился к двери и приоткрыл ее. В коридоре было темно, и в щель Пузо разглядел лишь одного из пришедших.

– Там опять эта воровская рожа, что насчет работы! – возмегодовал комик.

– Так дай ему по уху! – распорядился Раушарни своим великолепным голосом, прославившим актера далеко за пределами Аршмира.

– Эй, Раушарни, а мне тоже – по уху? – весело прозвучало из-за двери, и в комнату, небрежно отодвинув комика, вошел

Ларш. За ним проскользнул Мирвик и застыл позади своего знатного покровителя.

Застыл не от скромности, а от потрясения. Темный коридор, по которому его и господина проводил зевающий старый сторож, вывел, оказывается, в волшебный мир: на сцену! Да-да, стол стоял прямо на сцене, у самых кулис! Мирвик завороженно взирал на темный провал зрительного зала и уже чувствовал себя избранником судьбы – просто потому, что побывал здесь…

Появление Сына Клана было встречено приветственными воплями. Тут же были перетряхнуты все кувшины на столе, обнаружен один почти полный, из него был торжественно наполнен кубок для дорогого гостя. Актеры потеснились, радушно давая Ларшу место за столом.

В любой другой компании это выглядело бы недопустимой фамильярностью: в Великом Грайане не было никого знатнее потомков Двенадцати Магов, каждый из которых в незапамятные времена взял себе имя зверя или птицы и передал его детям и внукам своим.

Но актеры – люди особые. Город Аршмир любил театр и забаловал его донельзя. Аршмирская «золотая молодежь» часто устраивала вечеринки для труппы и напропалую волочилась за актрисами, и Ларш, хотя был в городе не так давно, не отставал от прочих.

Однако на этот раз юноша не спешил садиться за стол.

– Раушарни, что ж ты хорошего парнишку обижаешь? –

упрекнул он главу труппы. – Неужели для него работы не найдется?

– Мы уже взяли метельщика! – отрезал Раушарни.

Мирвик охнул, но Ларш не сдавался:

– Тогда, может, другое занятие ему подберешь?

Раушарни чуть склонил набок свою красивую, благородной лепки голову с орлиными чертами лица и великолепной седой шевелюрой.

– Ворюге-то? – возвысил он голос. – Тот, право, поступает неразумно, кто позволяет подлому коварству не то что в дом свой заползти, но даже приблизиться к порогу своему!

Мирвик, внезапно оказавшийся воплощением подлого коварства, удивленно покрутил головой. А Ларш просиял:

– Браво! Это из «Цены предательства», верно? И сам ты талант, и труппа у тебя замечательная! И дом вам для театра мой дядя подарил просто отличный! И декорации у вас красивые! И музыканты почти не фальшивят! Вот только занавес никуда не годится. Прямо скажу: полы мыть таким занавесом.

Раушарни скрипнул зубами: молодой господин ударил в больное место. А Ларш продолжал с милым простодушием:

– Говорят, вы его сшили из лоскутов, которые от старых нарядов остались? А правда, что он разлезается в клочья всякий раз, когда вы его поднимаете? И что после каждого спектакля вы его всей труппой латаете прямо на сцене?

Раушарни гневно засверкал глазами. Добродушный Пу-

зо прикусил губу. Игравший воинов Афтан Тополиный Щит нахмурился так грозно, что на сцене сорвал бы за такую гримасу аплодисменты. А задремавший в сторонке Лейфати Веселый Аметист, первый любовник труппы, проснулся, прислушался – и по-детски обиженно захлопал глазами.

– А я-то, – продолжал Ларш, – уже почти уговорил тетушку Аштвинну заказать для театра новый занавес… с золотыми кистями, между прочим! Э-эх, что об этом говорить! Пойдем, Мирвик, не уважают нас тут.

И направился к двери. Мирвик без единого слова последовал за ним. Парень не спешил отчаиваться. Как и всякий, кому доводилось шататься по рынку, он прекрасно понимал значение слова «торговаться».

– Прошу господина подождать… – послышалось им вслед.

Раушарни встал из-за стола. Задумчиво взъерошил свои густые седые волосы. Перед глазами артиста стояло видение блистательного занавеса. Каким он будет: зеленым, синим, алым? Видение меняло цвета и оттенки, но неизменными оставались толстые плетеные шнуры, увенчанные пышными золотыми кистями.

– А ну, повернись! – приказал актер Мирвику. Тот подчинился. Раушарни оглядел его с головы до ног, как на невольничьем рынке.

– Для стражника и воина мелковат, – вынес он свой вердикт. – Но годится в толпу народа. Или в шайку разбойников.

– Может даже наемного убийцу представить, которые без слов, – подсказал доброжелательный Пузо, – если малость подучить.

Афтан с пробудившимся интересом бросил оценивающий взор на тощего бродяжку:

– Для наемного убийцы статью не вышел. Разве что отравителем или слугой на пиру.

– Гонцом еще можно, – внес свою лепту Лейфати.

Бродяга приосанился. Никогда еще в своих мечтаниях он не залетал так высоко.

– Принят! – буркнул наконец Раушарни. – Про твое жалованье потолкуем после, когда у меня выдастся свободное время.

Смекалистый Мирвик понял, что за этой фразой звучало: «Когда уйдет твой высокородный заступник». Но это не огорчило парня. Главное – его взяли в театр!

– А чем вы тут заняты? – поинтересовался Ларш. Он не чинясь уселся на скамью и взял наполненный кубок.

– Замыслили поставить «Двух наследников», – начал объяснять Раушарни, усевшись рядом. – Всем пьеса хороша, да вот беда – с женскими ролями того… скуповато.

– И наши бабенки злятся, – фыркнул Лейфати.

Мирвик, о котором все забыли, мог бы уже уйти. Но прямого «пошел вон!» не прозвучало, и он остался стоять у двери. Ему, честно говоря, было интересно.

– Вот мы и решили подправить пьесу, – продолжал вели-

кий трагик. – Есть там монолог: королева жалуется на наглость фаворитки супруга. Та, мол, ей в глаза дерзит. Мы этот монолог решили выкинуть, а вписать сцену, где соперницы ссорятся.

– Всю ночь бьемся, а получается свара рыночных торговок! – угрюмо бросил Афтан.

– А вы бы предложили самим актрисам эту сцену написать! – предложил Спрут.

Актеры расхохотались.

– Это Барилла с Джаленой? – восхитился «воин». – Они друг дружку сожрать готовы! Такого напишут…

– …что их прямо со сцены заберет стража, – закончил за него комик.

Смех утих. Актеры снова пригорюнились.

– А вот этот кусок вроде ничего… – жалобно протянул Лейфати.

– Это где «и адаманта ревность злая тверже»? – Раушарни даже не глянул в его сторону. – Коряво.

– Начнем сначала, – вздохнул Афтан. – Королева сокрушается: мол, я собой хороша, и наряд на мне богатый, и королю я верна – а поди ж ты, сменял меня на какую-то дрянь…

Все устало призадумались.

И тут от двери донеслось:

Ужели не воспета сладкозвучно
Моя краса придворным менестрелем?

Ужели белизну и нежность кожи
Искусные служанки не хранят?
Ужели в царственном моем уборе
Рубины и сапфиры не сияют?
Ужели на супружеское ложе
Взошла порочной я, утратив честь?
Ужели за плечом моим, как стража,
Не встали тени благородных предков?
Как мог владелец дивного алмаза
Сменять его на битое стекло?

Все изумленно обернулись к Мирвику. Тот сжался под взглядами.

– А ну, иди сюда, – неожиданно тихо сказал Раушарни.

Парень на подкашивающихся ногах пересек сцену.

– А это пойдет, – хмыкнул Лейфати. – Барилла это прочитает.

– Недурно, – кивнул воин.

Комик молча налил в свой кубок вина и протянул парню. Мирвик принял кубок обеими руками.

– Ты где научился этому? – спросил Раушарни.

– А то я ваших пьес не видел! – отозвался Мирвик, к которому вернулось нахальство, едва он понял, что его выходка принята благосклонно.

Он сказал правду. Театр был для него единственной отрадой в жизни, утешением, защитой от отчаяния. Парень словно стоял под чужим окном и глядел на иную жизнь – яркую,

возвышенную, богатую страстями, порой жестокую и кровавую, но никогда не скучную. И люди на сцене говорили особым языком: звучным, стройно-размеренным, изысканным, без невнятного бормотания и грубой брани.

Сколько раз бездомный юнец, забираясь на ночевку в кусты между заборами, пробовал перед сном переложить на этот удивительный язык то, что слышал днем: льстивые речи кабатчика перед зашедшим в его заведение десятником стражи, ссору шлюх из-за богатого гостя, похвалы, которые рыночный торговец рассыпает своему товару…

– Ответ королевской любовницы можешь сочинить? – уважительно спросил Афтан.

– Сейчас, – кивнул Мирвик. Сдвинул брови и выдал, почти не раздумывая:

Пусть подмастерье в ювелирной лавке
Любуется огранкою рубинов.
Пусть менестрель с поклоном получает
Парчовый кошелек за мадригал.
Пусть восхищается придворный лекарь
Тем, как бела от притираний кожа.
Для сброда – хлам! Король ни с кем не делит
Улыбку, юность, нежность и любовь…

Актеры взвыли, стуча друг друга по плечам.

– Нет, как Джалена это отчеканит! – заорал комик.

– «Для сброда – хлам!» – процитировал великий Раушар-

ни, вложив в эти три слова такую силу презрения, что даже Мирвик вздрогнул.

– Кто-нибудь догадался это записать?! – вскинулся Лейфати.

– Пишу, – отозвался Ларш, быстро водя пером по бумаге.

– Ты – наш, парень! – торжественно произнес Раушарни. – Ты – человек театра. Мне плевать, что там у тебя вышло с судьей. Ты чувствуешь сцену и сумеешь жить по ее законам. Будет нам занавес, не будет – ты уже в труппе и на жалованье!

– Будет занавес, – быстро вставил Ларш. – Не отстану от тетки…

– А теперь надо про угрозы королевы, – напомнил «воин».

– Сделаем! – Мирвик глотнул вина. Внезапно его физиономия расплылась в глуповато-счастливой улыбке. Он обернулся к Спруту. – А ведь если бы не господин, загребли бы меня сегодня «крабы», чтоб их всех Болотная Хозяйка в один мешок – да в…

– Стой! – с внезапной суеверной тревогой перебил его Ларш. – Стой, всех-то «крабов» не кляни!..

* * *

Строгий зеленый взор, сердитые морщинки на лбу, гневная речь:

– Так ты ничего не понял, мальчишка?.. Что ж, ты нуждаешься в хорошем уроке. Клянусь Безымянными, ты его по-

лучишь! Любая должность, лишь бы на суше, так? Отлично. С завтрашнего дня будешь зачислен в городскую стражу. Рядовым «крабом».

Что за дурацкие шутки приплел дядя к серьезному разговору?..

Но зеленые глаза смотрят жестко и неумолимо:

– И я не забуду предупредить почтенного Джанхашара, чтоб не давал тебе поблажки!

Да что ж это он… неужели серьезно?!

Такого не бывает. Не может Сын Клана, высокородный Спрут, тащить в тюрьму пойманного вора или устраивать обыск в грязном притоне! Худшего позора для своей крови даже измыслить нельзя! Да как после такого глядеть в глаза родным?..

Ларш уже готов был взмолиться: «Дядя, но как же, стыдно ведь!»

Но не успел: Ульфанш заговорил спокойно, даже мягко:

– Разумеется, тебе не обязательно рыться в городском мусоре. Место второго помощника на «Плавнике» свободно. Ты можешь занять его – и забудем об этой беседе…

Ах, вот оно что! Дядя не ожидает, что племянник и в самом деле наденет черно-синюю перевязь и отправится патрулировать городские улицы! Это ловушка для труса… чтобы заставить его выйти в море и тем поддержать честь Клана Спрута!

Ларш словно со стороны услышал свой веселый, привет-

ливый голос:

– Зачем же? Я благодарен тебе, дядя. Завтра же явлюсь к почтенному Джанхашару, чтобы принять должность. Вот только один вопрос… Тетушка завтра звала меня к обеду. Приглашение еще в силе – или грязному «крабу» не место за столом Хранителя города?..

* * *

– Стой! – с внезапной суеверной тревогой перебил Ларш Мирвика. – Стой, всех-то «крабов» не кляни! С сегодняшнего дня я тоже служу в аршмирской страже. Тоже «краб», вот такие дела…

Актеры вежливо посмеялись, чтобы не обидеть высокородного господина, неудачно пошутившего. А Спрут, глядя прямо перед собой, сказал очень серьезно:

– И если в первый день моей службы в городе стало одним вором меньше… может, это хорошая примета, а?

2

(Тридцать первый день Звездопадного месяца)

Обоз покинул постоялый двор, едва начало светать: купец хотел добраться до Аршмира как можно раньше. Слуги были согласны с хозяином: они давно не были дома и спешили увидеть родных. А сам торговец был так растроган мыслями о скорой встрече с молодой женой, что позволил бесплатно доехать до города на одной из телег двум симпатичным путникам: девушке лет девятнадцати-двадцати и молодому человеку лет на пять старше.

В дороге люди знакомятся быстро. Не успел постоялый двор скрыться за холмом, с которого спускалась телега, как молодой человек уже узнал, что попутчицу зовут Авита Светлая Земля из Рода Навагир и что едет она в Аршмир к тетушке. Тетку почти не помнит – так, видела в детстве пару раз. По слухам, эта незамужняя особа уважаемого возраста обладает весьма… как бы это сказать помягче… незаурядным характером. Поэтому много лет назад любящие родственники дружно решили, что милой тете нельзя жить в поместье, что здешний климат ее медленно убивает, а морской воздух, наоборот, спасёт. Тетушку отвезли в Аршмир и сняли для нее дом. С тех пор тетушка проживает в Аршмире, а семья оплачивает ее расходы. Такое положение устраи-

вает всех, пожилая барышня обратно в поместье не просится. Доверенный слуга, который два раза в год возит в Аршмир деньги для госпожи Афнары, возвращается с корзинкой подарков: вышивки, вязание, плетение из бисера, расшитые стеклярусом воротнички и прочие симпатичные мелочи. Таких рукодельниц, как Афнара Тополиная Листва, по всему Грайану много не наберется!

– Ну, если эта тетушка такая славная, что ее сослали в Аршмир, то вряд ли барышня Авита у нее долго прогостит… – начал, посмеиваясь, молодой человек (который успел уже представиться как Ульден Серебряный Ясень из Рода Ункриш).

Но даже не закончил фразу: по лицу девушки, внезапно посерьезневшему, понял, что сказал что-то не то.

Авита вскинула тонкую белую ручку, перебросила через плечо косу и стала нервно играть черными прядями. Похоже, она и не замечала, что растрепала косу.

– Я… я, наверное, поживу у тетушки. Сколько получится. Отец умер, а поместье… ну, перед смертью его дела пошли плохо, поместье купил дядя… а теперь… – Она вскинула голову и заговорила так твердо и спокойно, словно и не мялась несколько мгновений назад. – Мы с дядей не поладили, поэтому я решила перебраться в Аршмир. Первое время поживу у тетушки. Когда я была маленькой, она ко мне хорошо относилась и даже сделала меня своей наследницей по завещанию… ну, просто для того, чтобы уязвить родственников,

ведь тетушке почти нечего оставить в наследство. А потом я надеюсь зарабатывать на жизнь своим ремеслом.

– Ремеслом? – вежливо спрятал удивление ее собеседник.

Следы смятения окончательно исчезли с бледного, востроносого личика девушки. Черные глаза гордо сверкнули:

– Я художница! Несколько лет назад мы с отцом жили в столице, и я, совсем еще девчонкой, брала уроки живописи у самого Астихара! А потом в нашем поместье жил наррабанец, он научил меня искусству горхда.

– Первый раз слышу это слово.

– Мгновенные портреты. Боюсь, заработать этим на жизнь не удастся: слишком непривычно. Но могу рисовать и классические портреты, в духе Астихара. Не найду заказчиков – буду вывески торговцам рисовать. Всё лучше, чем… – Авита осеклась.

– Ремесло – большое дело, – поспешно сказал Ульден, чтобы не дать мыслям этой славной девушки соскользнуть на невеселую дорожку воспоминаний. – Я в детстве ел из чужих рук. И только тогда себя человеком почувствовал, когда понял, что сам могу себя прокормить.

– Да? И каким мастерством владеет мой господин?

В веселых светло-карих глазах молодого человека мелькнула искорка тщеславия:

– А пусть моя госпожа спросит у кого угодно, кто таков Ульден Серебряный Ясень из города Аршмира! В лицо меня могут и не знать, но слышали обо мне почти наверняка.

– Спрошу, но сначала попробую угадать! – загорелась девушка. – Понятно, что мой господин не актер. Их-то как раз знают в лицо. Я слышала, аршмирцы любят свой театр.

– А юная госпожа когда-нибудь была в театре?

– Не довелось.

– Тогда она не знает, как они размалеваны на сцене, эти актеры. После спектакля отмоются – ну, другой человек! На улице встретишь – не узнаешь!

– Но ведь не актер?..

– Нет, – улыбнулся Ульден. Ему начала нравиться эта игра. – Пожалуй, подскажу: меня все уважают, но рады бы со мною никогда не встречаться.

– Если бы мой господин не был Сыном Рода, – поддразнила его дерзкая девчонка, – я бы решила, что речь идет о ремесле палача!

Ульден чуть с телеги не свалился от неожиданности.

– Ну… рискну предположить, что меня уважают все-таки немножко больше, чем палача.

– Но ведь не наемник же? – Авита вопросительно взглянула в лицо спутнику. (Симпатичный молодой человек – круглолицый, веснушчатый, с добродушным и веселым взглядом. И так забавно ерошит курчавые рыжеватые волосы!) – Нет, не воин. У моего господина и оружия-то при себе нет!

– А может, мой огромный-преогромный боевой топор везут на соседней телеге? – весело сощурился Ульден.

Но девушка вдруг потеряла интерес к игре:

– Пойду спрошу у кого-нибудь…

Спрыгнула на дорогу, обогнав медленно шагающую лошадь, догнала идущий впереди воз. Рядом с ним шел хозяин-купец и о чем-то негромко толковал с возчиком.

Молодой человек с усмешкой посмотрел ей вслед. Его забавляли эти внезапные изменения в настроении собеседницы. Да и вообще девушка славная. Не красавица, правда: нос длинноват, щеки впалые, кожа бледная, словно девчушка долго болела или сидела взаперти. Зато глаза живые, выразительные. Глянешь в них – и не захочешь больше разбирать внешность во всех подробностях…

Тем временем Авита обратилась к купцу:

– Не знает ли мой господин в Аршмире человека по имени Ульден Серебряный Ясень из Рода Ункриш?

– А моя госпожа больна? – удивился купец. Поняв по лицу девушки, что ошибся, он пояснил: – Ульден Серебряный Ясень – лучший лекарь в Аршмире. А может, и во всем Грайане. Ученик самого Фазара!

Ульден тихонько посмеивался, глядя, как девушка объясняется с купцом.

Наконец Авита вернулась, села рядом с молодым человеком и начала с вопроса:

– А почему такой знаменитый лекарь путешествует на чужой телеге?

Ульден сделал «страшное» лицо и сообщил хриплым разбойничьим голосом:

– А я сейчас в бегах!

– То есть?..

– То есть за мной погоня, меня ловят…

И уже нормальным голосом рассказал о властителе прибрежного замка, у которого жена долго не могла забеременеть. А когда наконец боги дали такую радость, повитуха предсказала, что госпожа не сможет разродиться. Перепугавшийся властитель погнал верховых слуг в Аршмир за Ульденом. Позже, когда опасность осталась позади, счастливый отец закатил в честь наследника пир, заявив, что благодетеля-лекаря не отпустит и будет поить не меньше месяца. Пришлось Ульдену убираться из замка на манер беглого раба: огородами да скалами. Ему пьянствовать некогда, его ждут больные…

Рассказывал молодой человек весело, с забавными подробностями, но Авита уловила в его голосе и гордость за свою работу, и удовлетворение мастера, хорошо эту работу сделавшего. Она хотела выразить ему свое восхищение. Но взглянула вперед – и ахнула, забыв о собеседнике.

До сих пор над дорогой смыкались ветвями густые вязы, под их сенью лежал густой сумрак, словно ночь залегла на дороге, намереваясь таиться здесь до вечера. Но лес остался позади, быстро исчез подлесок – и дорога устремилась вдоль подошвы скалы.

Справа раскинулось море – утреннее, мирное, блистающее со спокойной уверенностью признанной красавицы.

Впереди можно было рассмотреть кусочек городской стены. Но не он притягивал взор.

Неподалеку от берега из моря мощно вздымалась скала. Авита задохнулась от изумления: неужели ветер, вода и время могли придать гигантскому куску камня такое сходство с человеческой фигурой?! Нет, конечно же, тут приложил руку скульптор, гениальный мастер!

Огромный, тяжеловесно сложенный мужчина стоял на груде валунов спиной к берегу. Длинные руки опущены вдоль тела, могучие плечи ссутулены…

Угадав мысли девушки (что было легко), Ульден сказал:

– Барышне бы глянуть на это с моря. Стоит на островке этакий верзила: лицо квадратное, грубое, челюсть тяжелая, нос приплюснутый. А глаз нет. Посреди лба – одна глубокая ниша-глазница, настоящая пещера. В ней каждую ночь разводят огонь. Это ведь маяк, госпожа моя Авита.

– Маяк?

– Ну да. У ног великана стоит хибарка, там живут смотритель и двое его подручных. К ним на лодке привозят всё, что нужно для жизни. Ну, сменяют их время от времени.

– А как они поднимаются наверх, к пещере? Там вырублены ступеньки?

– Нет, госпожа моя, только по веревочной лестнице! Отсюда не видно, но он весь опутан канатами. Конечно, когда шторм или просто сильный ветер, нужна морская ловкость. Но смотритель лучше десять раз полезет в бурю по раскачи-

вающимся веревкам, чем вобьет в великана хоть один железный костыль. Он ведь живой, он все чувствует.

– Кто?

– Ну, я же говорю: каменный великан. Последний из своего племени.

– Правда? – умилилась Авита. – Как это поэтично! Как трогательно эти смотрители относятся к своему маяку! А он и впрямь как живой, даже со спины.

Ульден усмехнулся:

– Сразу видно, что моя госпожа ни разу не бывала в Аршмире.

Словно солнце скрылось за тучу – с лица девушки исчезла улыбка, глаза стали холодными и замкнутыми.

– Я… я родилась в Аршмире. Но меня увезли отсюда в детстве, я мало что помню.

Ульден уже привык к резким перепадам ее настроения. К тому же понял: что-то неладно в семье Авиты, если девушка путешествует не только не под защитой родственника-мужчины, но даже без служанки. Захотелось утешить спутницу, развлечь…

– Давным-давно, еще в Темные Времена, – начал он значительно и неспешно, подражая бродячим сказителям, – обитало на побережье племя каменных великанов. Немного их было, но жили они тут хозяевами. Люди тогда и носа не казали в эти края.

– А что они ели, эти каменные? – придирчиво поинтересо-

валась Авита. За считанные мгновения она успела отбросить неприятные мысли и теперь весело дразнила рассказчика.

– Вот уж не знаю! – развел руками Ульден. – Говорят, что питались солнечными лучами.

– Ой, как здорово! – Авита захлопала в ладоши. – Постоял на солнышке – и сыт!

– Вот в это я как лекарь не верю. В человеке нет ничего лишнего, ничего ненужного, в чем я вижу мудрую волю богов. Этих великанов, как и людей, сотворили боги. И зачем тогда им рот, этим созданиям, питающимися солнечными лучами?

– Чтобы разговаривать!

– Возможно. Но никто из людей не слышал, чтобы великаны разговаривали.

– А о чем им разговаривать с людьми? – втянулась в игру озорница. – И разве мой господин не сказал только что: мол, в Темные Времена люди сюда и носа не совали?

– Ну, позже люди перекочевали на побережье. Они-то и выжили отсюда великанов.

– Этих?! – Авита покосилась на могучую каменную фигуру, возвышающуюся над морем. – В Темные Времена уже были катапульты?

– Не было катапульт. Легенды гласят: люди рыли глубокую яму, сверху натягивали сеть и набрасывали на нее ветки, чтоб не было заметно. Великан проваливался в яму, его засыпали землей. Без солнечных лучей каменные исполины

умирали.

– Это какая же яма нужна, чтобы изловить ходячую гору? – Девушка повернулась на телеге, чтобы лучше видеть уплывающую назад каменную фигуру. – Трудолюбивый народ жил в Темные Времена!

– В легендах так сказано! – не дал себя сбить Ульден. – Мол, закопали люди двоих-троих, остальные сами ушли.

– Куда? – продолжала Авита разбирать легенду на косточки.

– Людям не доложились. Надо думать, за Грань, в Подгорный Мир, больше некуда.

– Чего только люди не выдумают! – фыркнула девушка.

– Может, это и выдумка, – с подозрительной мягкостью согласился с нею рассказчик. – Но тогда выдумка и запись в аршмирской летописи… год забыл, но уже Огненные Времена. О том, как в деревню Козий Двор заявился каменный великан.

– Крестьяне этим объясняли сборщику податей, почему они не могут заплатить? – рассмеялась Авита. – Мол, каменное чудовище сожрало их скот и вытоптало посевы?

– Нет, великан не жрал скот. Он сел на околице деревни, откинулся на ближний холм, как на высокую подушку, закинул руки за голову, положил ногу на ногу и застыл. Крестьяне ринулись было прятаться в лес, но мирное поведение пришельца успокоило их. Они вернулись в свои дома и зажили по-прежнему. А великан всё смотрел на деревню своей без-

глазой дырой посреди лба – день за днем, месяц за месяцем, год за годом…

– Брр! – выразительно повела девушка узкими плечами. – Мой господин – хороший рассказчик… Как только деревня такое терпела?

– Крестьяне и не к такому могут привыкнуть. Уверен, что деревенские мальчишки карабкались на великана, как на гору, и залезали в пещеру-глаз… Но гонца в Аршмир мужики все-таки послали. И король посетил Козий Двор.

– Король?.. О… ах, да… это же Огненные Времена, Аршмир еще был королевством.

– Верно… Вместе с королем Аджупашем прибыл и придворный летописец – своими глазами увидеть то, о чем впоследствии он сделал запись в городских хрониках. Он писал, что ноги великана тонули в кустах шиповника, разросшегося за два года, а когда по приказу короля затрубили в рога, чтобы разбудить исполина, из пещеры-глаза взлетела стая потревоженных грачей. Король тогда повелел не трогать каменного пришельца…

– А что случилось потом? – Авита отбросила недоверчивость и слушала легенду, по-детски распахнув глаза.

Ульден вновь умилился ее способности мгновенно менять настроение.

– Великан просидел у деревенской околицы четыре года. Крестьяне привыкли, перестали обращать на него внимание – и были потрясены, когда поросшая кустами гора вдруг под-

нялась на ноги и зашагала прочь от Козьего Двора.

– А потом, потом?

– Потом – ничего хорошего. Каменный гигант объявился на побережье. То ли здешний люд приглянулся ему меньше, чем крестьяне Козьего Двора, то ли это был другой великан, но только он принялся громить рыбачьи поселки: топтал дома, не щадя бедолаг, что не успевали увернуться из-под ступней.

Авита извертелась на телеге, то глядя в лицо рассказчику, то оборачиваясь. Дорога сделала поворот, теперь из-за скалы виднелось лишь плечо огромной каменной фигуры.

– Аршмир был уже большим городом с крепостной стеной, – продолжал Ульден. – Под защиту этой стены и ринулись обитатели побережья. Аршмир сел в осаду, словно ожидая появления вражеской армии. Стража держала наготове катапульты и копьеметы и, глядя на гиганта, слоняющегося вокруг города, гадала: сумеет такой перелезть через стену или не сумеет? Но они забыли, что у Аршмира только три стены, а вместо четвертой…

– Море! – заворожено выдохнула Авита.

– Море, – кивнул Ульден. – Никто не знал тогда, что каменный великан умеет ходить по дну. Представляю, какой переполох поднялся в порту, когда он вырос из черной ночной воды и принялся громить стоящие на рейде корабли.

Авита, побледнев, кивнула. Живое воображение художницы сгустило вокруг нее ночной мрак, разорванный огнями

факелов и береговых костров и пронизанный лунным светом. И в этой лунной полосе нарушился строй мелких волн, поднялась гигантская черная голова и необъятной ширины плечи с лентами водорослей…

Усилием воли Авита отогнала картину, такую яркую, словно девушка сама видела ночь ужаса над аршмирским портом.

– Он приходил несколько раз, – продолжал Ульден. – Крушил корабли, разносил в щепки деревянный причал Старого порта – Нового порта еще не было. Добрался до складов и домов, с каждым днем все дальше заходя в город. Сети, протянутые, чтобы его изловить, он рвал в клочья. До катапульт добрался сквозь град камней и размолотил вдребезги. Там же, у катапульт, погиб король Аджупаш, командовавший обороной порта.

Дружески, без насмешки глянула Авита в оживленное лицо молодого человека:

– Мой господин так воодушевился, словно эти события происходили на глазах!

– Не только происходили, – прищурился Ульден, – я даже принимал в них участие. Любимая игра аршмирских мальчишек – в «оборону Старого порта». Сколько раз я был каменным великаном!

– Но как же все-таки с ним справились?

– Никому не известный человек, чужой в городе, объявил, что сумеет одолеть великана. А когда аршмирцы спросили

чужака, кто он таков, в ответ они услышали: «У меня было имя, но волей богов я его отринул. Теперь я именую себя – Спрут!»

Авита ахнула, разом перестав улыбаться.

– До Аршмира не дошла еще молва о двенадцати воинах, которых Безликие сделали своими избранниками, даровав им магическую силу, – продолжал рассказывать Ульден. – А потому Спрут рассказал горожанам о волшебном источнике, из которого испил он и его друзья. И о том, как после этого уснули они долгим сном, а проснувшись – принялись рассказывать друг другу сновидения, в которых каждый был зверем или птицей…

Девушка прервала его энергичным взмахом руки. Ее настроение опять переменилось: теперь она сердилась. За кого он ее принимает, этот аршмирец, рассказывая то, что в Грайане знают даже малые дети?!

Нахмурив брови, она быстро вспомнила нужное место из «Летописи Санфира» и процитировала по памяти:

– «Говорили все, кроме двоих, глядевших друг на друга так, словно они впервые встретились. Наконец молвил один из них: «Я узнал тебя! Ты был спрутом, большим, как корабль! Своими щупальцами ты раздавил в щепки рыбачью лодку!» И услышал он в ответ: «И я узнал тебя! Огромной акулой кружил ты вокруг той лодки, вокруг рыбаков, что цеплялись за обломки!»

– И верно, – кивнул молодой человек со смущенной улыб-

кой, – что это я разошелся, как бродячий сказитель? Просто с детства люблю эту легенду… Словом, когда следующий раз великан явился в город (а это было при свете дня, на глазах у всех), самые смелые и любопытные из аршмирцев могли наблюдать издали, как чужеземец, бесстрашно подойдя к беснующемуся великану, прыгнул на его ногу и ловко, как в гору, полез вверх. Добравшись до головы, он исчез в пещере, заменявшей великану глаз. Аршмирцы с удивлением увидели, что движения исполина замедлились. Потом он опустился на колени и застыл. Когда горожане, осмелев, приблизились, из пещеры появился Спрут и заявил, что отныне великан подчиняется ему. И что горожане избавятся от многих бедствий, если признают его, Спрута, своим королем…

– Мой учитель, – недоверчиво протянула Авита, – говорил, что Спрут стал королем Аршмира после того, как победил чудовище, выходившее из моря и нападавшее на город.

– А разве я что-то другое рассказываю?

– Нет, но… я как-то иначе представляла себе морское чудовище. Вроде дракона.

– Морских драконов не бывает… Новый король Аргосмира повелел каменному великану дойти по морскому дну до островка и застыть там неподвижно. Так у города появился маяк. И тогда же родилась поговорка, непонятная чужеземцам: «Кто владеет маяком, тот владеет Аршмиром». Правда, король Лаогран все-таки завоевал Аршмир и присоединил к Великому Грайану, но Хранителем города он назначил од-

ного из потомков Первого Спрута. С тех пор и пошла традиция: аршмирские Хранители – всегда Спруты.

– Красивая легенда… Но кто знает, что дошло из Огненных Времен неискаженным?

– Не только из Огненных, госпожа. Двести семьдесят лет назад, в четырнадцатом году Железных Времен, через два года после присоединения Аршмира к Великому Грайану, к городу подошла бернидийская эскадра. И Хранитель Аршмира отдал повеление великану. Два бернидийских корабля были размолочены в щепу каменными кулаками, остальные отступили.

Недоверие Авиты было сломлено. Двести семьдесят лет – это тебе не какие-то «незапамятные времена». Это, считай, вчера.

Девушка снова обернулась, но скалы уже скрыли от нее небывалый маяк.

– А это, наверное, страшно… – Голос Авиты дрогнул. – Стоять вот так век за веком…

– Просидел же он четыре года у деревни Козий Двор! – пожал плечами Ульден. – Что мы знаем о чувствах каменных великанов? Он видит проходящие вдали корабли, видит штормы и штиль, видит игры китов и пляску дельфинов, слышит разговоры людей у своих ног… О, приехали!

И в самом деле, за беседой путники и не заметили, что дорога уже идет вдоль крепостной стены Аршмира.

– Каждый раз, как я возвращаюсь в Аршмир, – задумчиво

сказал Ульден, – я думаю о том, как прекрасен мой город и как я его люблю.

– А часто приходится возвращаться? Я думала, все лекари – домоседы.

– Не я. Мне и в армии довелось служить, в последней войне с Силураном.

Ульден спрыгнул с телеги.

– Пойду вперед, чтобы проскочить в ворота, пока стражники не принялись возиться с обозом. Госпожа идет со мной?

– Нет, у меня вещи на телеге.

– Ну, я-то налегке… Что ж, если понадоблюсь – я живу на Кошачьей улице, меня легко найти.

Ульден двинулся было вперед, но вдруг вернулся и сказал серьезно:

– Я почему-то уверен, что мы с госпожой еще встретимся. Такое у меня чувство, что встреча наша – неспроста. Что-то она значит в глазах богов.

И быстро, не оборачиваясь, пошел по обочине дороги, обгоняя телегу за телегой. Девушка не без сожаления глядела ему вслед…

Ульден был прав. И эта встреча, и беседа, и даже предание о каменном великане, которое он рассказал, чтобы позабавить симпатичную спутницу, что-то значили в глазах богов. Они были нитями, которые боги вплели в свой бесконечно сложный, вечно созидаемый узор судеб.

* * *

Рассвет лениво плелся по аршмирским улочкам. Темнота редела, сочилась, растекалась по тупикам, залегала под заборами. Порт уже проснулся, перекликался хриплыми, злыми утренними голосами. В богатых кварталах было тихо, дома слепо щурились на утро из-под закрытых ставней, но рабы и слуги уже начали тихую мышиную суету, готовясь к пробуждению господ.

А неприметная Двухколодезная улочка вообще не желала просыпаться. Жители ее, люди среднего достатка, уважаемые и степенные, не любили суеты и спешки. Для них было несолидно подниматься слишком рано, подобно рабам.

И прохожих на Двухколодезной улице в то утро еще не было… Впрочем, нет: одна нарядная девица спешила по улочке. Но ее можно было назвать не ранней, а поздней путницей. Она не начинала новый день, а заканчивала ночь. Причем весьма бурную.

В глазах этой низенькой, крепко сбитой, простецкого вида девахи еще посверкивали отблески веселых костров, что до утра не гасли на морском берегу. Ах, какие пляски вихрились среди этих костров! Как стучали в каменистую землю тяжелые каблуки парней! Как кружились, размахивая подолами, девушки! Как наяривали музыканты!

Разве можно пропустить такое веселье? Разве можно в та-

кую ночь лежать без сна на лавке и слушать храп старухи-хозяйки за тонкой стенкой? В конце концов, она не рабыня! Захотела повеселиться – пошла и повеселилась, да еще как!

Девушка хихикнула, вспомнив, что из дому она вышла с одним кавалером, а на танцы пришла – с другим!

Вот и славно. И не жалко этого труса! Как он плел о своей любви, о радости танцевать с нею под луной! Суетился, торопил ее, почти тащил прочь от дома. Нашептывал на ушко такие вещи, что она чувствовала, как жарко румянятся ее щеки…

Девица снова захихикала. Интересно, сумел бы этот прохвост проделать с нею хоть половину того, что обещал?

Этого ей уже не узнать, потому что на Буром спуске, на широких его ступенях, они налетели на Нерхара. Вернее, Нерхар налетел на них.

О, как взревел моряк, как он глыбой навис над испуганной парочкой – словно медведь, вставший на дыбы! Как рявкнул на бывшую подружку голосом, способным переорать даже шторм:

«Ах ты, паскуда! Отбилась от своих, портовых, задрала нос? В служанки подалась, барышня медовая? Нашла себе хлыща нарядного? А вот если я ему сейчас переломаю все бимсы и шпангоуты? Да и тебе заодно?»

Он не смотрел на соперника. Только на нее, изменницу.

«Хлыщ нарядный» струсил, пожелал влюбленной паре всяческого счастья и улетучился. Нерхар, великолепный в

своем гневе, не стал его останавливать.

Девушка таяла от счастья. Правда, было бы интереснее, если бы из-за нее затеялась драка… ух, как бы оттрепал прежний ее приятель нового дружка! Но и так все было восхитительно: вокруг пылали такие страсти! Хоть ищи сказителя, чтоб балладу сочинил!

«Нерхар, – застенчиво похлопала она ресницами, – я только хотела малость поплясать!»

«А то тебе плясать не с кем?» – остывая, буркнул ее герой.

Прощенная изменница с удовольствием ухватилась за его локоть. И забывшая размолвку парочка двинулась вниз по Бурому спуску.

А потом – костры, музыка, хохот, пляска… а позже, за полночь – крепкие объятия Нерхара, который на руках унес ее от круга света во мрак, на прибрежный песок, в шуршание волн…

Вот это и есть молодость! Вот так и надо жить! Особенно если знаешь, что замуж тебе не идти. Отребье, оно и есть Отребье. Для замужества нужно имя, а где ж его возьмешь, если с детства отец не дал, потому как и отца никакого не было? Приходится жить с кличкой и не скулить.

Девушка сердито тряхнула головой: с чего это она себе портит настроение? И тут же тревожно вскинула руку к волосам: не потерялась ли красивая заколка, позаимствованная на ночь у хозяйки?.. Нет, вот она, держится! Сейчас надо пробраться в дом, не разбудив старуху. Положить на место

браслеты и заколку: незачем госпоже знать, что в ее украшениях служанка на танцульках щеголяет! А потом приняться за приготовление завтрака. Отоспаться можно днем, когда хозяйка приляжет вздремнуть после обеда.

Девушка прошла вдоль невысокого заборчика из досок, выкрашенных в зеленый цвет, свернула за угол – и досадливо ахнула.

Неподалеку от калитки стояла низенькая, кругленькая женщина с седыми волосами, закрученными в тощий узел, похожий на кукиш. Уперев руки в бока, она сокрушенно разглядывала выломанную из забора доску.

Вот уж незадача так незадача! Прешрина Серая Трава, та дрянь, что сдает госпоже домик. Сама-то перебралась к дочери – а сейчас, наверное, пришла за бельем госпожи, чтобы постирать. Вон и корзинка в руках…

Девушка поспешно набросила на голову шаль, спрятала под нею руки, чтобы змея-сплетница не увидела на служанке хозяйкины браслеты и заколку.

Прешрина оторвала возмущенный взор от изувеченного забора и начала гневно:

– Нет, что за безобразие! Новенький забор, недавно покрасили! Куда смотрят ночные сторожа! Вот руки бы обломала… кнутом надо за такое…

Тут женщина сообразила, что перед нею стоит второе нарушение порядка и приличий, живое воплощение распущенности и бесстыдства.

– Гортензия?! – взвизгнула она. – Ты что здесь делаешь? Почему не со своей хозяйкой?.. А-а, понятно! На танцульках хвостом вертела, паршивка, наглая?

Продолжая громко сетовать о развращенности нынешней молодежи, Прешрина подошла к калитке, привычно просунула руку меж двух штакетин, поддернула засов (если не знаешь хитрость – не откроешь), отворила калитку и зашагала к крыльцу.

Гортензия поспешила за нею, но не удержалась, на ходу огрызнулась:

– Дочку свою учи!

– А чего ее учить? Она в твои годы по кустам с парнями не шастала, песок спиною не мяла! Вот погоди, нахалка, потолкую я с твоей госпожой…

Обе женщины поднялись на крыльцо, и старшая раздраженно дернула подбородком в сторону замка:

– Что стоишь, бродяжка портовая? Открывай!

Гортензия скользнула рукой по поясу – и обмерла. Ключа не было! О Безымянные, где она его обронила?

– Ты еще и ключ потеряла?! – правильно истолковала ее замешательство хозяйка дома. – Вот паскуда, а?

Прешрина сдернула со своего пояса ключ, с лязгом вставила в замок, приговаривая:

– Ну, если госпожа не задаст тебе трепку… ну, тогда я не знаю, куда катится мир!

Ладно бы еще трепку, тоскливо подумала Гортензия. А

если выгонят на все четыре ветра – куда ей тогда идти? Назад, в порт, на смех прежним подружкам? Шить мешки на складах, стряпать похлебку для грузчиков? А ведь она так задавалась, так хвасталась своим нарядным платьицем, своей аккуратной прической, своим изящным новым прозвищем, полученным от госпожи…

Гортензия задержалась в прихожей, пропустив вперед себя Прешрину: девушка надеялась за ее спиной незаметно снять браслеты и заколку для волос. Но успела только сбросить с головы шаль: пригвоздил к полу пронзительный вопль, донесшийся из комнаты.

Впрочем, оцепенела Гортензия лишь на мгновение, а потом кинулась на крик.

В комнате ее ожидало то, что показалось ей сначала нелепым, а потом ужасным.

Ее старая госпожа в своей длинной ночной рубашке с синими розочками у ворота лежала на полу возле большого сундука. Голова ее виском прильнула к краю крышки, жидкая седая косица, перекинувшись на лицо, испачкалась в крови. Подол рубахи задрался до икр, обнажая босые тощие ноги.

И не кровь даже, а вид этих беспомощно оголенных ног сразу заставил девушку поверить: старуха мертва!

Гортензия перевела растерянный взгляд на Прешрину. Та была потрясена: орать уже перестала, но еще разевала рот, как вытащенная на берег рыба.

Но смятение быстро прошло. Очнувшись, обе женщины с причитаниями кинулись к мертвой госпоже, убедились, что помогать ей действительно поздно, и вдвоем перенесли щуплое тело на кровать. Одеяло было откинуто, подушка смята.

– И что ей среди ночи на той полке понадобилось? – горько вопрошала Прешрина, которой до боли жаль было потерять выгодную постоялицу.

Служанка понимала, о чем говорит владелица дома. Полка, что висит над сундуком, и впрямь приколочена высоко. Не дотянешься, если не влезешь на сундук…

На миг душу Гортензии затопили раскаяние и стыд: окажись она дома, старой женщине не пришлось бы самой лезть на сундук!

Но раскаяние тут же ушло, душа ощетинилась иглами, как испуганный еж. Девчонка из Отребья с детства усвоила, что мир враждебен ей и что надо держаться настороже.

– Лекаря надо… – растерянно бормотала Прешрина, бледная, с подрагивающими губами. – Нет, какого уж лекаря… стражу надо известить, что мертвое тело в доме…

– Ага, – подтвердила Гортензия. – Я тоже слыхала, был указ: про каждого мертвеца сообщать, даже если человек от болезни помер… Ступай за стражей, а я обряжу госпожу по-человечески. Нечего ей в одной рубахе перед чужими людьми лежать.

Прешрина разом перестала трепыхаться и бессвязно скулить. В глазах ее мелькнул гнев. Женщина была уверена, что

почти весь мир вокруг – пройдохи и воры, а паршивка Гортензия – первая из них!

– Это чтоб я тебя одну в доме оставила? Чтоб ты все углы обшарить успела? Не дождешься! А ну, выметайся из дому, Отребье поганое! Выметайся, кому сказано! Я дверь запру и пошлю кого-нибудь за стражей.

Девушка повернулась и хмуро направилась к двери. Она понимала, что таких, как она, люди всегда готовы обвинить в чем-нибудь скверном. Лучше и впрямь уйти.

– Мне за этот месяц не заплачено… – угрюмо бросила она через плечо.

– Иди-иди… за твое безделье тебе и платить незачем. Хватило бы кормежки и крыши над головой.

Прешрина завозилась над замком. Гортензия угрюмо спустилась с крыльца и, не оглядываясь, направилась к калитке. Нечего ей тут делать. И уж подавно незачем разговаривать с «крабами». Пора убираться прочь.

3

Казалось бы, молодой человек, которому навязали работу, недостойную его высокого рождения, должен быть несчастен и уныл…

Как же! Весь белый свет не дождется этого от Ларша из Клана Спрута! Не станет он вешать нос и скулить из дядюшкиного каприза. В конце концов, это даже интересно! Кто из Детей Клана может похвастаться подобным приключением?

Ларш легко тронул новенькую сине-черную перевязь на груди. Ну да, все «крабы» носят такую. Но почему Ларш должен стыдиться цветов собственного Клана?

Молодой человек исполнительно явился на новое место службы с утра – сразу после раннего завтрака с актерами.

Ларш тихонько засмеялся, вспомнив, какие физиономии сделались у Раушарни и его компании, когда те поняли, что служба в городской страже – не глупая шутка знатного юнца.

Как же все это забавно! А сегодня Ларш приглашен на обед к дяде – и пусть его сожрут болотные демоны, если он не заявится туда прямо в этой перевязи. Да-да, в перевязи городского стражника! С тех самых пор, как в Аршмире существует стража, не бывало такого, чтобы «краб» сидел за одним столом с Хранителем.

Ох, да как же он мог забыть про тетушку Аштвинну! Дядя наверняка скрыл от нее, какому позорному наказанию под-

вергнут любимый племянник. Интересно, что скажет по этому поводу тетя, которая по-матерински относится к Ларшу?

Так что наказанный Сын Клана, слоняющийся по внутреннему дворику Дому Стражи, вовсе не чувствовал себя несчастным.

Но не было в его душе и спокойствия. Юноша словно проглотил льдинку – и та не желала таять в животе. Так было с ним в детстве, когда деревенские мальчишки по одному ныряли в море, а остальные, облепив прибрежную скалу, хором считали вслух: кто дольше просидит под водою? Игра, в которой «господский сынок» Ларш ни разу не смог победить… Он считал вместе со всеми и ждал своей очереди, стараясь не показать, как ему страшно. Нет, это не был ужас, тягостный и черный, который позже овладел его душой. Тогда он еще мог заставить себя прыгнуть в волны, погрузиться в зеленую глубину. Неуверенность и страх смешивались с нетерпением: скорее, скорее, вот сейчас, еще немного – и все будет позади…

Со времени детских игр Ларш испытал это чувство лишь раз: когда ездил в Тайверан, чтобы пройти Обряд Повиновения.

И ведь знал он, знал, что ничего невыполнимого его сделать не заставят. Все Дети Кланов, живущие в Грайане, когда-то прошли через этот обряд. И отец, и дядя, и даже тетушка Аштвинна. И ничего страшного в этом нет.

Но как же не бояться шестнадцатилетнему мальчишке,

подумал Ларш с высоты своих зрелых девятнадцати лет. Ведь сколько услышанных в детстве сказок начинается с того, что юный Сын Клана прибывает ко двору – и король повелевает ему добыть клык живого дракона. Или похитить нарабанскую принцессу. Или принести локон одной из дори-адау, дочерей Морского Старца…

Разумеется, ничего подобного Джангилар не потребовал от юнца, ошалевшего от сознания важности происходящего. Просто приказал ему наточить кинжал. Ух, как трудился Ларш над королевским кинжалом! Для него это не было пустяком, да и сейчас молодой Спрут не считает Обряд насмешкой над Кланами. Высшая знать страны обязана раз в жизни подтвердить, что готова исполнить любую волю государя.

А потом – клятва верности королю. И приветливые глаза Джангилара. И раскачивающаяся перед лицом Ларша свинцовая бляха с грубо выбитым на ней изображением дракона – талисман, почти триста лет хранящий королевскую династию от измены. Теперь Ларш не сможет предать короля, даже если захочет. В Великом Грайане не было ни одного мужчины и ни одной женщины из Кланов, которых не держало бы в оковах могучее чародейство.

Когда церемония окончилась, Ульфанш (который оставил дела, чтобы проводить племянника в столицу) негромко и растроганно сказал:

«Ну, вот ты и стал взрослым, мой мальчик. Теперь ты име-

ешь право владеть имуществом, вести судебные тяжбы и жениться…»

Ни особого имущества, ни судебных тяжб, не говоря уже о женитьбе, у юного Ларша не ожидалось. Но он был горд, как петух на заборе, а в груди медленно таяла льдинка страха, позволяя ликованию затопить душу…

Но почему это чувство вернулось сегодня? Разве можно сравнить трепет, охвативший его пред ликом короля, с волнением от первого дня в аршмирской страже?

Да. Можно. Будет ужасно стыдно, если потомок Первого Спрута не справится с тем, что по плечу простым городским парням, которым неохота идти в подмастерья к ремесленникам или в портовые грузчики…

– Эй, парень! – громыхнуло сзади. – Это я тебе! Ты что, недавно в страже?

И тяжелая ладонь увесисто хлопнула Сына Клана по лопатке.

Впоследствии Ларш гордился тем, что сдержался, не врезал невеже по зубам. Только развернулся и испепелил взглядом того, кто посмел прикоснуться к Спруту.

Вернее, попытался испепелить. Но сразу понял, что это у него не получится. Не очень-то испепелишь взглядом бесцеремонного незнакомца головы этак на две выше Ларша. Крепкий, жилистый, смуглый, с пронзительными, насмешливыми, по-наррабански темными глазами. Волосы тоже наррабанские: черные, курчавые, с сединой на висках. И ко-

роткая бородка тоже жесткими кольцами, с проседью.

Все это Ларш рассмотрел с первого взгляда. И еще понял, что незнакомца явно забавляет злость мальчишки с новехонькой перевязью на груди.

Под насмешливым взглядом темных глаз Ларш почувствовал, что гнев его стихает. Юноша умел взглянуть на себя со стороны – и понял, что и впрямь выглядит смешным.

– Только что получил перевязь, – ответил он учтиво.

– Ага! Попрошу, чтобы тебя определили в мой десяток. У меня всего-то четыре морды остались, моя морда пятая. Запоминай, парень: твоего будущего командира зовут Аштвер Зимнее Оружие. А тебя под каким имечком отец в жизнь отправил?

Юный Спрут заметил, что десятник не назвал свой Род или Семейство. Только имя. Здесь что, так принято? Ну-ка, попробует и он…

– Ларш Ночная Волна, – ответил юноша – и его захлестнуло непрочное чувство веселой свободы. До чего же все-таки интересно побыть просто Ларшем! Конечно, долго это недоразумение не протянется, но он постарается его продлить – и выжмет удовольствие до капли!

– Здешний, аршмирец?

– Нет. – Ларш заметил разочарование во взгляде десятника и поспешил добавить: – Но время от времени приезжал в город. Мальчишкой… и потом…

– Улицы-переулки-закоулки, стало быть, не знаешь…

Впрочем, освоишься помаленьку. Сколько лет?

– Девятнадцать.

– Молод, зелен… ну, да все мы такими были. И чем занимался до счастливого дня, когда Серая Старуха подсказала тебе нацепить перевязь «краба»?

– Да так, ничем… – Тут Ларш вспомнил за собою хоть какое-то умение, полезное для будущей службы. – Обучался владеть оружием.

– Ну, хоть что-то… Грамотен?

– Да.

– Это для нашего брата не главное, но лишним не будет… Женат?

– Да храни Безликие!

– Правильно, с этим только дураки торопятся. Жить будешь в казарме?

– Нет, снимаю жилье. – Ларша забавлял этот бесцеремонный допрос.

– Вот это зря. Зачем деньги тратить? А семьи, что ли, нет, чтобы вместе с нею жить?

– Я сирота. – Ларш скользил меж правды и недомолвок. – Родственники есть, но мы повздорили. Они пообещали оплачивать мне жилье, а на прочее буду зарабатывать.

– За жилье не платить – большое дело! – оценил десятник удачу, выпавшую новичку. – С нашего жалованья особо не разживешься. Но ты не унывай. Поглядишь, как другие крутятся, – тоже научишься.

Беседа становилась все увлекательнее. Увы, ее прервало появление старого слуги, сообщившего, что начальник стражи ждет к себе молодого господина.

– Чего мешкаешь? – нахмурился Аштвер. – Раз начальство приказывает… бе-гом!

* * *

Начальнику городской стражи не повезло с именем.

Конечно, на каждом шагу ему встречались люди, носившие имена и почуднее, причем никто не обращал на это внимания. Но если отец назвал тебя Джанхашар Могучий Бык, а боги дали тебе мелкий росточек и щуплую фигурку, поневоле начнешь подозревать всех встречных-поперечных в том, что им хочется отвернуться и вволю похихикать.

Такие подозрения не способствуют мягкости нрава. Маленький Джанхашар держал стражников в страхе и трепете! Это доставляло ему мрачное удовлетворение: да, у него не хватит силенок и кошку убить, но любой верзила, который может сверху вниз глядеть на его макушку, без иронии говорит друзьям: «У Джанхашара тяжелая рука…»

Но сейчас грозный начальник стражи пребывал в полнейшем смятении, а хваленая «тяжелая рука» мяла лист бумаги, исписанный размашистым властным почерком.

Письмо было доставлено в Дом Стражи поздно вечером, когда Джанхашар уже ушел домой. И утром беднягу началь-

ника ждал сюрприз…

Со всяким приходилось сталкиваться Джанхашару, но не с таким!.. До чего все-таки неистощима на выдумки Хозяйка Зла!

Сын Клана – среди аршмирских «крабов»! Да еще и племянник Хранителя! Причем Хранитель требует, чтобы его родственнику не только не делали послаблений по службе, но, напротив, спрашивали с него строже, чем с прочих стражников, дабы, как изволил выразиться Спрут, «служба не казалась молодому господину пуховой подушкой…»

Если бы речь шла о ком-то другом – расстарался бы Джанхашар! Такую жизнь устроил бы незадачливому новобранцу – бедняге хватило бы воспоминаний до старости. Но сейчас…

«Высокородные господа поссорились, – со злым отчаянием думал начальник стражи. – А я в их ссору вляпался, как в болото…»

Джанхашар с тоской выглянул в окно – на двор, где торчал юнец в черно-синей перевязи. Ну вот, жутко даже подумать: он заставляет Спрута ждать за дверью! Надо было, конечно, сразу его принять… но никак не удается решить: как же себя с ним вести?

Во дворе к высокородному юноше подвалил десятник Аштвер, с маху хлопнул по спине. Джанхашар дернулся, будто это его шарахнули грубой лапищей. Хотел проорать скотине-десятнику, чтобы тот немедленно прекратил… а что,

собственно, прекратил?

Джанхашар сдержался, вцепившись в подоконник, а юный Спрут обернулся и что-то сказал Аштверу.

Разговаривают! О Безликие, разговаривают! Причем у Аштвера рожа без тени подобострастия!

Эге, а ведь юный господин наверняка не назвался Сыном Клана, иначе беседа не шла бы так бойко. И что это может значить? Вероятно, Спрут не хочет, чтобы по городу ходили слухи о его позоре?

«Да провалитесь вы оба в трясину, и дядюшка, и племянничек! – взвыл про себя Джанхашар. – Вместе с вашими дурацкими играми! Вы сегодня побранились – завтра помирились, а я виноватым окажусь, да? Молодой господин не забудет, как я ему жизнь отравлял!»

Ну, нет! Джанхашар не станет изводить юного господина. Наоборот, пылинки с него сдувать будет. И по возможности оградит от тягот и опасностей службы. Упаси Безликие, если потомка Первого Спрута зарежут в портовой драке! Да что там зарежут – хотя бы ранят! В Хранителе наверняка взыграют родственные чувства, он начальника стражи наизнанку вывернет и в бантик завяжет…

Дверь отворилась, через порог шагнул окаянный юнец, из-за которого Джанхашар уже пережил уйму неприятных мгновений, а в будущем наверняка переживет еще больше.

Молчание затянулось: разговор положено начинать тому, кто знатнее, а проклятый Спрут явно уступал эту честь сво-

ему командиру.

Наконец юноша сообразил, что Джанхашар этак будет молчать до глубокой старости, и с легким поклоном поприветствовал начальника.

– Рад видеть нового стражника! – с облегчением отозвался тот. – Рвемся послужить родному городу, не так ли? Похвально, весьма похвально…

Джанхашар сам почувствовал, как фальшивы эти добродушно-отеческие нотки в голосе, и резко остановился. Чуть помолчал и продолжил более сдержанно:

– Зачисление в стражу, можно считать, уже состоялось. Когда моему господину угодно будет приступить к работе?

Высокородный негодяй бодро изъявил готовность приступить к работе прямо с этого мгновения. Интересно, его дядя запихнул в стражу, чтобы проучить за что-то? Или сам прискакал сюда в поисках приключений и назло родне? Должно быть, сам: вон какие глаза веселые…

Чтоб его демоны съели! Теперь придется измышлять для знатного юнца задания, чтоб не запачкал свои ручки и не попортил ненароком себе шкурку. Одна надежда – долго это цирковое представление продолжаться не будет. Кому-нибудь оно скоро надоест – Хранителю или мальчишке. Надо тянуть время…

Слова «цирковое представление» навели Джанхашара на удачную мысль.

– Я решу, в какой десяток зачислить молодого господи-

на, а пока он может заняться первым… э-э… поручением. За Ракушечной площадью есть старые конюшни. Они пустуют, владелец сдает их разным бродячим балаганам. Сейчас там разместился цирк. Приехал вчера вечером, выступать без разрешения стражи не может. Положенные деньги они заплатили, но нужно сходить и проверить: всё ли в порядке, не досаждают ли циркачи горожанам, не нарушают ли аршмирских порядков…

* * *

Во дворе довольного, веселого Ларша остановил десятник:

– Наш Могучий Бык тебя в какой десяток запихал?

– Изволит думать. А пока велел мне идти за Ракушечную площадь. Там цирк приехал, так мне велено было приглядеть, чтоб с циркачами не было хлопот.

Аштвер ничем не выдал удивления: надо же, мальчишка в десяток не определен, а уже получил приказ от самого начальника стражи! Да еще на такое несерьезное дело отправлен… с чего Джанхашар так озаботился приездом циркачей?

Но никаких вопросов Аштвер задавать не стал. Лишь посоветовал:

– Мимо Нового порта не ходи. Поднимись по Кривой лестнице, обогни гавань…

– А разве мимо порта не быстрее? – удивился юнец.

– Там тебя грузчики отлупят, – повел плечом Аштвер.

У мальчишки сделалось такое потрясенное лицо, что десятник снизошел до объяснений:

– Портовая сволочь не любит нашего брата. Тех, кто ходит по двое-трое, не тронут, а «краба»-одиночку обязательно изловят.

Мальчишка, явно плохо знакомый с жизнью приморской части города, потерял дар речи. Десятник хохотнул при виде его ошарашенной физиономии и хлопнул паренька по плечу:

– А ты думал, город трепещет перед «крабами»? Прохожие уступают тебе дорогу, трактирщики наливают вино бесплатно, все девчонки – твои… так? Привыкай, сынок, к мысли, что нас в городе не любят и при случае норовят потрогать кулаками, особенно припортовая рвань… Ладно, это всё я тебе объясню, а сейчас – слышишь? – меня зовут к командиру. А ты… почему ты еще здесь? Давай-ка бегом!..

* * *

Десятник опасался крепкого нагоняя: пришлось докладывать о неудаче с поимкой экипажа контрабандистской шхуны «Вредина». Аштвер старательно спихивал вину на береговую охрану, которая, собственно, и должна была заниматься ловлей контрабандистов. При этом он понимал, что командир береговой стражи будет винить в промахе именно его: если люди, за поимку которых назначена награда, нагло

шляются по городу, то поимка их – дело «крабов»…

К удивлению десятника, Джангилар выслушал оправдания равнодушно и рассеянно. И вместо искрометной, гневной тирады, которой ожидал стражник, лишь вяло бросил:

– Остолопы…

Сообразив, что разноса не будет, ибо начальство угнетено какими-то своими заботами, Аштвер нахально перешел в атаку:

– Да как работать-то, если от десятка остались четверо? Ругир женился, ему тесть велел из «крабов» уйти. Дхар-нарр рабанец на родину подался, я докладывал моему господину…

– А кому сейчас легко? – бросил командир все так же отстраненно, занятый своими мыслями. – У кого десяток полный?

– Мне во дворе встретился парнишка-новичок. Нельзя ли его – ко мне?

Джанхашар встрепенулся. Взгляд его разом стал острым и подозрительным, словно «краб» прочел мысли командира и был на этом пойман.

– Новичок? Да, верно, ты же с ним разговаривал. И… и как он тебе?

– Молокосос. И приезжий, города не знает. Но глаза смышленые, речь бойкая. Если еще и не трус – будет из парня толк.

– В твой десяток? Что ж, почему бы и нет… Только…

– Да, господин?

– Нет, ничего… Иди…

Когда Аштвер был уже у порога, командир окликнул его:

– Постой! Ты… это… ну, пригляди, чтоб парни не обижали новичка. И чтоб он себе шею не свернул… по неопытности-то…

Это сбивчивое вяканье было настолько не похоже на обычную увесистую речь командира, что десятник ушам своим не поверил.

– Господин, я не понимаю…

– Ступай!

Последнее слово было произнесено уже знакомым тоном. Аштвер почувствовал себя гвоздем, с маху вбитым в доску по самую шляпку.

За дверью десятник ухмыльнулся: а загадка-то, похоже, разгадана! Сынок богатых родителей из тяги к приключениям или назло папе с мамой подался в стражу. А родители в панике развязали кошелек, чтобы Джанхашар как-нибудь поберег их своенравное чадо…

Ну нет! Он, Аштвер Зимнее Оружие из Семейства Джайкур, не нянька при господском дитятке, а десятник «крабов». С командиром, конечно, спорить не годится. Аштвер будет преданно глядеть ему в глаза и уверять, что юноша окружен заботой и вниманием. Но на деле пусть купеческий наследничек не надеется на снисхождение. Иначе над Аштвером не то что парни из его десятка – даже чайки хохотать будут!

* * *

Как быть служанке, потерявшей место? Куда пойти девушке, лишившейся дома?

Ни денег, ни крыши над головой, ни родни…

Нерхар? Он если не сегодня, так завтра в плаванье уйдет. Сам хвастался: в наррабанские земли, на «Попутном ветре». Так что он своей девчонке не помощник и в беде не заступник. Сам бездомный, как морской ветер.

Подружки прежние, зубоскалки эти? Ну… может, и помогут. Пристроят к работе за медяки. Но сначала обдерут острыми язычками всю кожу: как же ты, Гортензия, у нас в порту приживешься? Ты же с серебряных блюд есть привыкла, верно? И платья не иначе как бархатные носила, не хуже супруги Хранителя? И спишь на перинах лебяжьего пуха – где ж мы тебе такое раздобудем? И беседовать наловчилась с важными господами – с нашими-то парнями уже и двух слов не свяжешь, Гортензия?

Ладно. Это она выдержит. И похуже выдерживать приходилось. Но нужно немного денег на первое время. Жалованья она не получила… и с хозяйки уже не спросишь… ох!

Вскинув руки к лицу, девушка расплакалась.

Там, в доме, при виде мертвой старухи служанка была потрясена, но не уронила ни слезинки. А теперь мысль о том, что госпожа, такая аккуратная в денежных делах, уже не вру-

чит ей деньги с назидательными словами, как делала это в последний, сороковой день каждого месяца, вдруг сделала всё неотвратимым, окончательным.

А ведь это госпожа научила Гортензию писать и считать! И манерам хорошим учила, и разговаривать не по-портовому, и рукодельям всяким пробовала обучать, да у Гортензии, видно, пальцы грубые. И больше никогда… ой, жалость-то какая, горе какое!

Сейчас госпожа вспоминалась не вздорной, крикливой и придирчивой, а требовательной, строгой, но не злой женщиной, которая желала добра своей ленивой и непослушной служанке и была для нее единственным близким человеком…

Слезы высохли так же быстро, как и хлынули. Девушке из Отребья хныкать не пристало. Все равно мир вокруг не пожалеет, не утешит. «Подыхай, но смейся!» – учит своих детей веселый город Аршмир.

Госпожу не вернешь. И прежней жизни, спокойной и сытой, тоже не возвратишь. А заплаканные глаза, покрасневший нос и растрепанные волосы не помогут найти новую работу.

Девушка вскинула руки – поправить волосы. И вздрогнула: пальцы коснулись холодных гладких зерен.

Заколка! Бисерная заколка-бабочка! Сине-зеленая, красиво сплетенная… а ведь есть еще и два браслета, тоже бисерные, с сине-голубым узором! Она же их так и не сняла!

Вот оно, жалованье Гортензии!

Руки сами дернули удобные, с зажимом шнурочки, снимая браслеты…

Подходящая лавчонка сыскалась рядом, на Галечной улице: маленькая, безлюдная – если не считать хозяина, торчащего за прилавком среди полок, заваленных всякой всячиной. В таких лавочках можно купить всё: от иголки до горшочка с мягким мылом, от пакетика порошка от блох до недорогого украшения… Ну да, в плоском ящичке, что хозяин предусмотрительно держит возле своего локтя, разложены браслеты с цветным стеклом, стальные перстни-печатки, бисерные налобные повязки и бусы из оленьего рога, распиленного на бляшки.

Девушка скромно шагнула через порог, с поклоном выложила перед хозяином браслеты и заколку и сообщила, что хотела бы на пробу продать образцы своей работы. Если господин останется доволен, она принесет еще.

Пожилой хозяин помедлил с ответом, разглядывая изящные, умело сплетенные вещицы. Обычно он не покупал украшения у случайных людей. Предпочитал иметь дело с мастерами и мастерицами, которые раз за разом приносят ему на продажу труды рук своих. А с незнакомцами свяжись – еще погоришь на скупке краденого!

Но бисерное плетение – это не серебро, не модная нынче резьба по кости, не золотое шитье. Милый пустячок. Можно и купить, если дешево. Такая прелесть на прилавке не зале-

жится. Хоть об заклад бейся – уже сегодня вещички улетят к покупателям…

Хозяин улыбнулся девушке и приготовился торговаться за каждый медяк.

* * *

Лекарь Ульден вступил в свой дом, где не был лишь несколько дней, с таким чувством, словно вернулся из долгой отлучки. И встречен был с такой радостью, словно домашние год за годом с тоской высматривали его у ворот во все глаза.

Всплеснула руками, заголосила старая вольноотпущенница Ворчунья, что ведала хозяйством в маленьком домике на Кошачьей улице.

Кухарка-наррабанка заявила, что в два счета состряпает что-нибудь вкусненькое для господина, который наголодался у чужих людей… Что значит «удрал с пира»? Знает она эти замковые пиры! Небось одна пережаренная дичина да море выпивки! Нет чтоб напечь человеку любимых яблочных оладушек!

Мальчишка-раб без приказа подхватил ведра и помчался за водой: господин, конечно же, пожелает вымыться с дороги!

Звонкоголосая собачонка Пилюля – комок рыжего меха и пара блестящих глаз – заплясала, запрыгала перед хозяи-

ном. А когда тот подхватил малышку на руки, восторженно вылизала ему лицо.

И сам Ульден разглядывал свое скромное холостяцкое хозяйство взглядом путника, что обошел все ближние и дальние земли и наконец прибрел к родному порогу. Если не считать службы в армии, молодой человек редко покидал Аршмир даже на несколько дней.

Сейчас Ульден предвкушал мирные удовольствия домашней жизни: баню (он пристроил за домом будочку на гурлианский манер, ибо брезговал общими банями), вкусный завтрак (яблочные оладьи он и впрямь обожал), совсем немного поваляться на кровати (нечасто он это позволял себе)… В больницу для бедняков он пойдет после обеда. В конце концов, он не единственный врач в городе, да и положенное ему время в этом месяце он уже в больнице отработал. До обеда еще успеет в лаборатории посидеть…

Ульден заулыбался в предвкушении самого драгоценного, самого утонченного из наслаждений.

Лаборатория была требовательна. Она занимала его мысли, отбирала каждое свободное мгновение и тянула из кошелька деньги с настырностью корыстной и хитрой любовницы. Зато и воздавала сторицей: позволяла краешком глаза взглянуть на великий мир неведомого, дразнила, обещала близкое познание истины… вот-вот, сейчас, еще немного – и перед ним откроется то, чего не видел никто до Ульдена.

И где-то там, на бескрайних просторах, не измеренных че-

ловеческою мыслью, горел его маяк, его светоч, его мечта, к которой молодой врач тянул руки с того самого дня, когда посвятил себя своему ремеслу.

Снадобье Всеисцеляющее, лекарство от всех болезней… конечно, кроме старости, ибо предел жизни человеческой положен богами. Нельзя человеку желать бессмертия, ибо он и так бессмертен: душа, попадая в Бездну, очищается от грехов в негасимом пламени и, чистая и обновленная, достается рожденному на свет младенцу. Если оборвать эту цепь обновления, человек будет жить столетие за столетием, но душа под тяжестью накопившихся грехов загниет, зачервивеет, прахом изойдет. И человечество станет – хуже крыс в железном котле, пожирающих друг друга.

Это всё, конечно же, правильно. Но это не значит, что путь в Бездну должен быть короток и наполнен страданиями. Болезни не должны сокращать человеку срок, отмеренный Безликими.

Когда Ульден создаст Снадобье Всеисцеляющее (а он его непременно создаст), люди будут доживать до глубокой и бодрой старости. И никто не увидит на погребальном костре малыша, который и грехов-то на душу набрать не успел.

Вот цель, ради которой не следует жалеть ни сил, ни времени, ни денег!

Денег, да…

Заказана в Наррабане и скоро прибудет в Аршмир увеличительная труба, вещь редкая и дорогая. Не из тех труб,

что служат звездочетам для наблюдения за светилами. Нет, другое устройство, делающее большими совсем крошечные предметы. Ульден видел такое чудо у одного знатного пациента, исследующего живую природу, и едва не заболел от зависти и вожделения к невероятному прибору.

Но то устройство, что он заказал в Наррабане, еще сильнее по силе увеличения. Мудрый Харрахт, ученый из Васха-до, в одном из своих трактатов уверяет, что в капле обычной колодезной воды сумел разглядеть множество крохотных живых существ… невероятно! Он, Ульден, не будет знать покоя, пока не проверит сам, лжет ли Харрахт, ошибается ли… или действительно совершил небывалое открытие! О, если это так, то он, Ульден из Аршмира, пойдет дальше Харрахта и выяснит, влияют ли эти загадочные существа на здоровье и долголетие человека и могут ли они приблизить создание Снадобья Всеисцеляющего!

Вот только платить за увеличительную трубу придется золотом. И не поторгуешься: стекло идеальной чистоты варят только в Наррабане, да и точная шлифовка линз – искусство, известное лишь по ту сторону моря…

Мысли о деньгах едва не испортили настроение, но Ульден вовремя спохватился. Не даст он проклятым желтым кругляшам, которых у него почти нет, испоганить хороший день!

– Эй, нерадивые! – весело окликнул он челядь. – Готова баня? Или хозяин должен грязью зарасти по самые уши?

В ответ «нерадивые» дружно засмеялись, загалдели и залаяли (да-да, рыжая Пилюля тоже внесла посильный вклад в общий шум). Господин сумел разобрать главное: вода для него уже греется, обед уже готовится…

– А вот изволь пока взглянуть… – Старая Ворчунья внесла на вытянутых руках лист серой бумаги. – Я всех записывала, как велено было.

Ну, золотая старуха эта Ворчунья! Мало того что хозяйство ведет аккуратно, так еще и грамоту знает! В отсутствие хозяина записывала всех, кто к нему приходил сам или присылал слугу.

Так-так, что здесь? Две роженицы после его отъезда… ну, эти уже нашли лекаря или повитуху. Портовый надсмотрщик со сломанной рукой… тоже наверняка помощь оказана. «Краб» с ножевым ранением… этого-то зачем притащили? У стражи свой лекарь.

– Ворчунья, старушка моя золотая, а стражник не объяснил, почему ему нужен именно я?

– Объяснил. Старый Риташер уехал из города в поместье к зятю и внукам. Насовсем. И Хранитель велел, чтобы мой господин теперь занимался «крабами».

Ульден огорченно присвистнул:

– Почему я-то?

Он не ожидал ответа: откуда старухе-домоправительнице знать помыслы Хранителя? Но Ворчунья тут же откликнулась:

– «Краб» сказал: остальные лекари отказались.

– А я, выходит, отказаться не мог – и получил ярмо на шею? – прищурился Ульден.

– Выходит, так… Откажись и ты, господин! Ты же и без того так выматываешься, что стонешь по ночам! Ты молодой, тебе веселиться надо, к девушкам присматриваться, чтоб жену в дом привести, красавицу да умницу…

– Так, старая, стоп. Про жену я уже сто раз слышал. А отказываться…

Нет, отказываться Ульден не станет. Хотя очень даже понимает собратьев по ремеслу, поспешивших избавиться от обузы.

Стражникам полагается бесплатное лечение (конечно, если они пострадали на службе городу). Врачу за это причитается от казны небольшое ежемесячное вознаграждение, а возни с бедолагами-«крабами» предостаточно.

Но… ведь кто-то должен их лечить, верно?

– Так, кто у нас тут еще? – Ульден уткнулся в строки, выведенные старательной, хотя и неумелой рукой Ворчуньи.

Вдова торговца птицей… замучила она городских лекарей своими вымышленными болезнями! Хотя и щедро платит. Лабран Ночная Секира, меняла из Нового порта… вот к этому зайти сегодня же… А это что? Имя, которое Ульден никак не ожидал здесь увидеть!

– Ворчунья, разве почтенный Верши-дэр еще не отбыл в Тайверан? Он же в пути уже должен быть…

– Задержаться изволил, подагра прихватила, – исчерпывающе доложила Ворчунья.

– Ну, я же ему говорил!.. – вознегодовал лекарь. – Я же ему сто раз говорил!.. Ему о здоровье думать надо, а он за собой искусника-повара таскает да рассуждает про золотые бабочки дней: их, видите ли, надо ловить все до единой, чтобы жизнь скучной не была. Вот теперь и поскучает в постели!

– А вот и нет, господин мой! Сказывают, возлежит он на диване, а вокруг шум да веселье. Каждый день в Наррабанских Хоромах толпа молодых людей, да все из лучших семей – как раз тебе компания, тебя ведь тоже не под забором нашли! А еще актеры с актерками у него бывают, и музыканты всякие, и пиры богатые…

– Вот я ему покажу пиры! Сколько раз я говорил: при подагре надо соблюдать осмотрительность в еде! Подагра – болезнь от излишеств и роскошеств… – Тут лекарь спохватился. – Больно много знаешь, старая! Опять по всему городу сплетни собирала?

Вольноотпущенница бестрепетно выдержала взгляд господина. (Вот еще, будет она бояться мальчишки, которого когда-то сама нянчила!)

– А что там собирать-то? Весь Аршмир говорит о том, как весело болеет наррабанский вельможа!

Ульден опустил глаза на бумагу, еще раз перечитал ряд имен. Вдруг посерьезнел, о чем-то ненадолго задумался. А затем хлопнул ладонью по столу:

– Горячую воду и чистую одежду, быстро! Сейчас ополоснусь – и уйду допоздна. Может, и до утра буду в Наррабанских Хоромах. – И добавил негромко, для себя: – Только сначала надо зайти… – И забарабанил пальцами по списку больных.

– Как – до утра?! – возопила из-за двери кухарка-наррабанка. – А поесть толком?

Обиженно тявкнула рыжая Пилюля – словно тоже почувствовала, что долгожданный хозяин вновь уходит.

– Молчи, дуреха! – цыкнула домоправительница на кухарку. – Нужна ему твоя стряпня! Его у наррабанского вельможи повкуснее угостят. Пусть молодой господин повеселится, пусть! В его возрасте надо с другими знатными юношами гулять-развлекаться, а не всякую вонючую гадость из склянки в склянку переливать!

4

Цирк – это яркое, праздничное воспоминание детства: заехавший в замок бродячий фургон, расписанный радужными полосами и влекомый веселыми лошадками, головы которых украшены алыми султанами из перьев.

Цирк – это сказочной красоты девочка-наррабанка, чуть постарше тебя, в малиновых шароварах и золотой кофточке, которая бесстрашно идет по канату, протянутому от крыши амбара к крыше конюшни, бьет в бубен и приплясывает.

Цирк – это две неимоверно умные собаки, одна в розовом платьице, другая в черном плаще, танцующие на задних лапках уморительные танцы.

Цирк – это акробат в желто-зеленом трико, завязывающий свое тело в немыслимые узлы… ах, тебе бы научиться так, вот бы иззавидовались деревенские мальчишки, лучше тебя умеющие нырять!

Цирк – это «человек-пес» с пришитым к штанам хвостом, в шапочке с длинными меховыми ушами – как славно он лает, как ловко вертит хвостом, как смешно обнюхивает зрителей!

На циркачей надо смотреть в детстве – тогда в памяти останется вспышка радости, и смеха, и восторженной зависти. И уверенность в том, что, когда подрастешь, непременно сбежишь с бродячим фургоном. Будешь так же ловко жон-

глировать ножами, как вон тот верткий парень в красных сапогах, женишься на красавице-наррабанке, что умеет плясать на канате, и никогда-никогда, никому-никому не признаешься, что ты – Сын Клана…

Вот таким и надо оставить это великолепное воспоминание. Не следует глядеть на бродячий цирк взрослыми глазами.

Потому что взрослыми глазами ты увидишь обшарпанный, расхлябанный фургон. И пусть он расписан сказочными огненными птицами – увы, под снегом и дождями этот птичник изрядно полинял. А на крыле одной из алых красавиц нацарапано непристойное ругательство – памятка от разочарованного зрителя.

Не надо, Ларш, не вспоминай цирк твоего детства, не сравнивай его с убогим балаганом, что остановился возле пустующих конюшен. Иначе завертится в голове вопрос: а не тот ли это самый цирк? Подумаешь, фургон иначе раскрашен! Да за столько лет его не раз перекрасили!

Вот эта худая, смуглая, похожая на галку женщина с нездоровым блеском глаз, которая держит на руках малыша, – не она ли красавица-наррабанка, принцесса твоих юных грез? Вот этот лысоватый коротыш, что угодливо вертится вокруг тебя, – не это ли остроумный, ловкий и веселый «человек-пес»?

Кто знает?..

Но даже если это не они – все равно: такую грусть наво-

дит выставленный напоказ неуютный кочевой быт, эти тряпки, развешанные для просушки на протянутой от фургона к фургону веревке, эти тощие псы, обнюхивающие твои сапоги (какие трюки будут выделывать собачки во время представления?), эти запахи жареной рыбы, пота и грима…

Хочется уйти, но уйти нельзя: ты тут не из любопытства, а по делу.

– Я уже расспросил горожан по соседству. – Стражник старался держаться солидно и важно, но с непривычки у него это не очень получалось. – Никто на вас не жалуется. Ничей покой вы пока не нарушили.

Ларш не стал уточнять, что, спеша взглянуть на цирк, он расспросил только метельщика, подметавшего Галечную площадь. Да и какие «горожане по соседству», если два ближайших к старым конюшням дома – нежилые, заколоченные. А с другой стороны – вообще обрыв к морю.

«Человек-пес» подобострастно закивал. Тощая женщина выдавила льстивую улыбку:

– Ах, господин стражник, ну, какое от нас беспокойство?

Ларш соображал, что бы сказать поумнее. Он не представлял себе, как нужно проверять, не нарушают ли циркачи аршмирские порядки. Юноша уже осмотрел фургоны, не углядел ничего подозрительного и зловредного. (Еще бы ему знать, как оно выглядит, подозрительное и зловредное!) В фургонах было скучно и пусто: почти все артисты, зная, что в ближайшее время работать не придется, рассыпались по

ближайшим кабакам.

Но что же все-таки им сказать, чтобы произвести впечатление матерого «краба»?

Ах да, пожары…

– Когда готовите, где огонь разводите? – В голосе молодого стражника звенела неусыпная и ярая бдительность.

«Человек-пес» и смуглая женщина охотно показали ему кострище, аккуратно обложенное камнями.

– Как видишь, господин, Аршмир не спалим! – улыбался до ушей «человек-пес».

– Вроде всё в порядке, – неуверенно промямлил Ларш.

Почему ему кажутся такими натянутыми, фальшивыми их улыбки?

– Ах да! – спохватился стражник. – Я ж еще на конюшне не был! – Он кивнул в сторону длинного, слишком высокого для конюшни бревенчатого здания.

– А там у нас лошадки! – тут же отозвалась чернявая женщина. – Лошадки наши там, добрый господин!

– По-твоему, дура, господин лошадей не видел? – хмыкнул циркач. – А вот у нас в клетке детеныш дракона сидит. Самый настоящий.

– Драконенка ты мне уже показывал, – кивнул стражник.

Ларш и в самом деле успел заглянуть в полутьму одного из фургонов и поглазеть на неподвижно лежащее в дальнем углу, за толстыми железными прутьями, что-то темное, свернувшееся калачиком.

«Человек-пес» правильно истолковал недовольную нотку в голосе стражника.

– Да что господин разглядел-то, если эта тварь спит? А вот ежели угодно, я сейчас клетку отомкну и на цепи этого красавчика наружу вытащу!

Идея была заманчивой, но предупредительность циркача вызвала у Ларша подозрения.

– А вот по конюшне пройдусь, тогда…

– Да что там интересного, одни лошадки… – убедительно сказала женщина.

И словно эхом на ее слова, из конюшни послышалось грозное рявканье. Циркачи перестали улыбаться. Зато заухмылялся Ларш.

– Это лошадки голос подают? – ехидно спросил он.

Вот только этого рявканья не хватало Сыну Клана, чтобы воспоминания детства стали совсем яркими и четкими.

Сколько радости доставил ему в детстве Лиходей – бурый медведь, которого медвежонком добыл на охоте дядя Ульфанш. Лесной зверь рос на заднем дворе, время от времени срываясь с цепи и отправляясь на поиски приключений: давил кур, пугал встречный люд, однажды задрал козу. Поначалу дело кончалось поимкой беглеца и водворением его на цепь, но в один далеко не прекрасный день медведь крепко помял стражника. Зверюгу пришлось убить…

Ларш обожал Лиходея, подолгу торчал на заднем дворе, таскал косматому другу лакомые кусочки (особенно тот лю-

бил лепешки с медом и лук). Гибель зверя была горем для мальчугана.

Но сейчас цепочка мыслей «цирк-медведь» вытащила из вороха воспоминаний не полное слез прощание с убитым другом, а более приятную сцену.

После выступления циркачей маленький Ларш, переполненный восторгом и горящий желанием тоже показать необыкновенным гостям что-нибудь удивительное, поймал за рукав первого попавшегося артиста (им оказался жонглер в красных сапогах) и потащил за собой на задний двор. Жонглер по достоинству оценил показанное ему сокровище и только посоветовал молодому господину не подходить к этому красавцу близко и не кормить с руки. Зверь, он зверь и есть…

Ларш согнал невольную улыбку и строго спросил:

– Что ж вы медведя-то – вместе с лошадьми?

– А куда его еще? – удивилась женщина. – Мы его в пустое стойло, на цепь… крюк там в стене хороший, крепкий, вот мы цепь – за крюк…

– Лошадей бы пожалели! Каково им, если рядом зверюга рычит?

– Так это ж наши кони, цирковые! – повеселел «человек-пес». – Они старого хрыча Вояку в фургоне возят, наслушались, как он ворчит да сердится. А когда в лесу останавливались передохнуть, так лошадям и насмотреться довелось, как Прешдаг, хозяин наш, Вояку прогуляться выво-

дит…

В конюшне снова рявкнул медведь, словно почувствовав, что о нем говорят. Вопреки заверениям циркачей, заржали и забили копытами кони. И в этот шум – Ларш мог поклясться! – вплелся слабый детский вскрик.

Не теряя ни минуты, юноша распахнул дверь.

В конюшню хлынул яркий дневной свет.

Длинный ряд стойл, широкий проход между ними. Пол густо усыпан соломой.

А в дальнем конце прохода, возле бревна, подпиравшего крышу, топтался громадный медведь. Черный. Силуранский. Раза в полтора крупнее покойного Лиходея.

Цепь, падая вниз от ошейника, волочилась по соломе. Косматый гигант не обращал на нее внимания.

А наверху, на потолочной балке, в ужасающе ненадежной позе пристроился смуглый мальчуган.

Зверь не обратил внимания ни на скрип двери, ни на свет, ни на людей на пороге. Не сводя маленьких глазок с добычи, хищник поднялся на дыбы. Когти скользнули по бревну, оставляя глубокие затесы.

«Почему он не лезет наверх? – мелькнуло в мозгу потрясенного парня. – Они же умеют… Они же по деревьям…»

Справа завозилось что-то живое. Ларш шарахнулся в сторону – и только сейчас увидел то, что заметил бы сразу, если бы его вниманием не завладел медведь. Вытянувшись вдоль прохода и обняв опрокинутый бочонок, на полу дрых чело-

век. Рядом с ним, прямо на соломе, стояло блюдо с лепешками и разрезанной пополам луковицей.

Больше Ларш ничего не успел увидеть: «человек-пес» оттолкнул его в сторону и захлопнул дверь.

– Ты что, сдурел? – рявкнул на него Ларш не хуже медведя. – Там ребенок! Он же вот-вот свалится!

– Не свалится! – неистово, как молитву, шепнула наррабанка. – Он же наш, цирковой… это мой старшенький… Он не свалится, не свалится…

Ларш понял, почему у нее так лихорадочно блестят глаза.

– Да что ж вы за люди такие… медведь может полезть наверх! Или загрызет вот этого, который у бочонка…

– Это наш хозяин, – угрюмо бросил «человек-пес».

– Ну, вот… убить же зверюгу нужно!

Хоть Ларш и помнил свои слезы над мертвым Лиходеем, слово «убить» он бросил бестрепетно. Ребенок же в беде!

И тут женщина, сунув младенца «человеку-псу», рухнула на землю перед Ларшем, обхватила его колени, припала губами к его сапогам.

– Не надо, добрый господин! – истово выдохнула она. – Умоляю, не надо! Убьешь медведя – нас убьешь! Танцовщица сбежала, «тролль» в наемники подался, драконье отродье жрет больше, чем зарабатывает. Убьешь медведя – труппы не останется, с голоду нам всем подыхать… Нам туда и дорога, а деточек пожалей, господин, у нас же почитай что полтруппы – дети малые…

Юноша в смятении отступил, выдернув сапог из цепких рук наррабанки. Не знал он, как быть, когда перед тобою стоит на коленях женщина. Мало ему медведя на свободе…

– Деточки? Я о твоих деточках и думаю! Там твоего ребенка под крышу загнали, не забыла? – Стражник обернулся к «человеку-псу». – Тогда своих собирайте, что ли… хоть сеть на него… Да что он у вас – такой дикий, что ничьих команд не слушает?

– Он пьян! – горько выкрикнула женщина.

– Кто, укротитель?

– Да медведь же, медведь!

Впрочем, как тут же выяснилось, пьян был и укротитель.

Прешдаг Серый Путь, хозяин цирка, едва приехав в город, занялся любимым делом: принялся наливать брюхо дешевым кунтарским вином, крепким, почти как «водичка из-под кочки», которую мужики гонят из всякой дряни. Оно бы и ничего, труппа привыкла к его запоям, но на этот раз пьянчуга начал чудить. Спустил с цепи медведя Вояку, напоил его вином из бочонка – пусть, мол, и зверушка порадуется! А второму дураку, косматому то есть, вино только дай! Пробовал уже!

Теперь укротитель дрыхнет, а чего ожидать от пьяного медведя – не знает никто…

Закончив свой бессвязный рассказ, оба циркача уставились на стражника с такой отчаянной надеждой, что у того пересохло в горле.

Чего они хотят от Ларша, эти двое? Чтобы он ушел, не поднимая шума? Да он бы с радостью! Но ведь эта дура и этот недоумок не будут ничего делать! Хотят, видите ли, дождаться товарищей по труппе, вместе как-нибудь управятся. Или, дескать, Прешдаг продерет глаза, посадит зверя на цепь…

Конечно, Ларш может уйти. Ничего он не видел, ничего не знает…

Ох, если бы не ребенок! Если бы не маленький паршивец на потолочной балке! Что, если у мелюзги ослабнут лапки – и малец свалится прямо на пьяного медведя?

Резко побледнев, Ларш приоткрыл дверь. Сунувшейся было преградить ему дорогу женщине бросил хмуро:

– Попробую его отвлечь!

– Не ходи, господин, разорвет он тебя!

– Не ходи, – горячо поддержал циркачку «человек-пес». – Себя не жалеешь – нас пожалей. Если наш медведь городского стражника убьет, нам… даже не знаю, что нам всем и будет-то… повезет, если только в рудник на цепь…

Ларш слушал вполслуха. Все его внимание было поглощено маленькой фигуркой под потолком.

– Я осторожно, – сказал он не оборачиваясь. И ступил через порог.

Несколько шагов по соломе, устилающей проход.

Зверь в том конце конюшни повернул громадную башку к вошедшему.

«Я у самого выхода… Я успею удрать…»

Вояка коротко рявкнул, попытался подняться на дыбы, но не удержался, скотина пьяная, в этой грозной позиции, вновь опустился на все четыре лапы.

Стражник сделал еще шаг вперед.

«Это всего лишь Лиходей, – шепнул он себе, – это паршивец Лиходей снова сорвался с цепи и ушел гулять…»

Вдруг вспомнилось, как Лиходей, выбравшись на поиски приключений, вломился в сарай, где хранились овощи, и всласть извалялся на корзинах с луком.

Разом, мгновенно совместились в памяти Ларша две картинки. Лиходей, ошалев от счастья, елозит по груде раздавленных, измочаленных луковиц. И разрезанная пополам луковица, лежащая на блюде возле руки храпящего укротителя.

Медленно, не сводя взгляда с суровой медвежьей морды, Ларш присел, протянул руку – и пальцы точно сомкнулись на половинке луковицы.

Так же медленно стражник выпрямился. Медведь глядел выжидательно.

Ларш заговорил, как говорил когда-то с Лиходеем, ровно и приветливо:

– Хороший зверь, умный зверь… А вот кому я луковицу дам? Вояке луковицу дам! Иди сюда, приятель!

Медведь косолапо шагнул вперед. Ларш с трудом удержался от того, чтобы кинуться к дверям. Шаг назад, только

один шаг…

«Это цирковой медведь… он к людям привык…»

Еще шаг от медленно подходящего зверя… еще шаг… не подпускать близко, не то отхватит руку вместе с угощением…

А вслух – негромкие, ласковые слова. А левая рука ведет по доскам, отделяющим стойла от прохода. Вот пальцы нащупали засов…

Ларш дернул деревянную задвижку. Медведь подошел опасно близко.

Задвижка подалась. Левой рукой стражник отворил дощатую низкую дверцу, правой бросил луковицу в пустое стойло:

– Иди, Вояка, бери… хороший зверь, хороший…

Медведь заколебался, подозрительно глядя на чужака, а затем шагнул в стойло за подачкой. Цепь потащилась за ним по соломе.

«Эта хлипкая дверь не удержит его, если начнет буянить, – соображал стражник. – Но хоть задержит, пока мы с мальчишкой убежим…»

Массивная цепь, конец которой тянулся в проход, мешала закрыть дверь. Ларш поднял конец цепи – и заметил, что в одно из бревен-стояков вбит железный крюк. Надежный такой, внушающий доверие. Вот на него бы накинуть цепь… но для этого нужно войти в стойло!

Ларш колебался лишь мгновение. А затем неспешно и

уверенно, словно каждый день имел дело с пьяными медведями, вошел в стойло, набросил крайнее звено цепи на крюк и вышел.

Медведь, в двух шагах от которого прошел чужой человек, не обратил на это внимания: он самозабвенно возил мордой по раздавленной луковице.

«Почему он сам не учуял лук? – спросил себя Ларш, запирая стойла на засов. – Вино ему сбило чутье? Или отвлекся на мальчишку?»

Мысль о ребенке заставила поторопиться. Ларш подошел к опорному столбу, поднял руки – и на них молча, понятливо и бесстрашно спрыгнул маленький циркач. В этот миг замурзанный смуглый бродяжка был дорог Сыну Клана, как младший брат.

Ларш спустил ребенка на пол, легонько шлепнул пониже спины:

– Беги к матери!

Тот без единого словечка припустил по проходу к дверям – только босые пятки замелькали.

Стражник двинулся следом. Мимоходом бросил взгляд в стойло и с облегчением вздохнул: хмель взял свое. Вояка спал, уткнувшись мордой в солому.

Сына Клана уколола жадная, горячая мысль: «Не Дар ли во мне проснулся? Ведь кто-то из Первых Магов умел усмирять диких зверей… а за века кровь Кланов так смешалась…»

Но будить медведя и проверять, не проснулся ли Дар, юноше как-то не хотелось.

Оторвав умиленный взгляд от стойла с дрыхнущим чудовищем, Ларш обернулся к дверям и увидел: кое-что изменилось.

Хозяин цирка, на которого стражник до сих пор и внимания не обращал, уже не валялся в обнимку с бочонком, а стоял на ногах. И стоял довольно твердо.

Плоскомордый укротитель ростом и весом едва ли уступал своему зверю. Его хмурый взор живо напомнил Ларшу взгляд медведя.

– Это кто моего Вояку вздумал трогать? – враждебно поинтересовался Прешдаг. Пьяница мазнул глазами сверху вниз по гостю, зацепился взглядом за черно-синюю перевязь. – А-а, «краб»! А ну, пошел вон от зверя!

Рука Ларша дернулась было к эфесу меча, но замерла. Не для того Ларш спас мальчугана, чтобы тут же оставить его сиротой.

А громадина-циркач, не подозревая о милосердных мыслях стражника, изверг из себя рычание:

– Порву… башку с плеч снесу!

За плечами у пьяницы возникли двое.

– В тюрьму захотел? – охнул «человек-пес». – Со стражей связался?!

– Пойдем отсюда, дорогой, – поддержала циркачка-нарраванка. – Я тебя до постели доведу, покормлю, приласкаю…

Ни резонных доводов, ни ласковых слов укротитель слушать не желал. Обернувшись к циркачам, он отшвырнул от себя женщину, цеплявшуюся за его плечо, и врезал «человеку-псу» – коротко, но с такой силой, что беднягу унесло за порог. Это произошло так быстро, что стражник не успел вмешаться.

Затем плоскомордый Прешдаг вспомнил о незваном госте. Тяжело ступая огромными ступнями по разбросанной по полу соломе, он двинулся к Ларшу.

Юноша следил за каждым движением пьяного силача, хотя и не мог поверить, что кто-то, в пьяном или трезвом уме, посмеет ударить Сына Клана. (Молодой Спрут забыл, что не сказал циркачам о своей знатности.)

Но когда здоровенный кулак, способный и в самом деле сбить голову с плеч, вскинулся в пьяном замахе, Ларш не стал стоять столбом, а сделал то, чему учили когда-то наемники в замке: поднырнул под руку противника.

Укротитель потерял равновесие, качнулся вперед, а Ларш добавил ему по шее для скорости и поставил подножку.

Укротитель во весь рост растянулся вдоль прохода, попытался встать, но получил от стражника удар ногой по голове и потерял сознание.

Ларш нагнулся, чтобы проверить, жив ли пьяница. («Жив!») Но женщина, глядевшая с порога на драку, неверно истолковала это движение. С воплем: «Не бейте его, господин!» – наррабанка пробежала по проходу, упала рядом с

мужем на колени и закрыла его собой от стражника.

– Не ори, медведя разбудишь, – негромко сказал ей Ларш и пошел к дверям.

«Человек-пес» ждал его за порогом, потирая плечо, в которое пришелся удар хозяина, но улыбаясь до ушей. От восторга он забыл о почтительности и обратился к Ларшу безо всяких «господин стражник»:

– Здорово! Ты, парень, пока в стражу не подался, не циркачом ли был?

– Нет, – кротко ответил Ларш.

– Ну и дурак. Снимай эту сине-черную тряпку и давай к нам. У тебя талант.

Ларш представил, как он на пару с медведем пляшет под окнами дворца Хранителя. И какое при этом лицо у тетушки Аштвинны, глядящей на это зрелище с балкона.

Надо было одернуть расхрабрившегося фигляра. Вместо этого Ларш спросил:

– А хозяин-то ваш меня возьмет?

– Прешдаг? Еще как возьмет. Он уважает тех, кто сумел его побить.

– Ну, пьяного и кошка побьет! А цирк… Знаешь, – вдруг признался Ларш, – я в детстве мечтал удрать с цирковым фургоном.

– В детстве-то все мечтают… Так придешь?

– Я в страже первый день, – с легким сожалением отказался Ларш. – Не хочется бросать работу, не распробовав,

хороша или плоха…

* * *

Верши-дэр, наррабанский вельможа (направлявшийся с не особо значительной миссией в Тайверан и застрявший в Аршмире сначала для поправления здоровья после морской болезни, а потом из-за приступа подагры) принимал у себя аршмирских друзей.

Круглолицый, с не по-наррабански светлой кожей и блестящими глазками, сводный брат Светоча нес бремя хвори без нытья и жалостных разговоров о самочувствии. Если бы не больная нога, вытянутая вдоль лежанки и накрытая легчайшим льняным покрывалом, никто бы и не догадался, что этот крепкий тридцативосьмилетний мужчина болен.

В остальном облик вельможи был безупречен: здоровая нога обута в красивый грайанский башмак с пряжкой, украшенной бирюзой, – хоть сейчас на танцы! И наряд по последней моде, и аккуратно подстриженная бородка, и ровные усики над белыми, крепкими, как у тигра, зубами… Верши-дэр, украшение двора Нарра-до, не позволил бы себе валяться на смятых простынях, хныкать и расписывать всем вокруг свой недуг.

«Пусть болезнь поймала меня, как капкан – волка, – храбро улыбался знатный наррабанец, – это еще не значит, что я должен отдать ей кусочек жизни. Со своей родины привез

я дивные травы, отвар которых смягчает боль. Я не отравлю кислой миной добрую пирушку. Правда, я не смогу есть и пить с моими друзьями, зато буду наслаждаться их беседой, музыкой, плясками танцовщиц…»

С того дня, как сводный брат Светоча поселился в Наррабанских Хоромах, здесь не смолкала веселая болтовня и не переставало литься в чаши вино. Как мотыльки на свет, слеталась сюда знатная молодежь города.

Отчасти юношей привлекали прекрасный винный погреб и искусная стряпня повара, прибывшего с хозяином из-за моря. Отчасти сыграло роль всесильное общественное мнение. («Как, ты еще не был у Верши-дэра?!») Но главной притягательной силой было все же обаяние хозяина, который умел дать понять каждому гостю, какую радость тот принес с собой в дом. Этот бывалый, много видевший человек умел держаться на равных с юнцами, умел говорить и слушать, умел поддержать угасающую застольную беседу увлекательной историей или незаметно уйти в тень, когда эта беседа и без него плясала над столом, словно живое, искрометное пламя.

А какой добрый прием встречали в Наррабанских Хоромах актеры, певцы, музыканты! Хорошеньких актрис тут привечали почтительно, словно знатных барышень, не обижали дерзким словом: Верши-дэр презирал буйные попойки со шлюхами, и любая женщина, вошедшая в его дом, чувствовала себя в безопасности. Поэтому, кстати, молодые ар-

шмирцы приводили в Наррабанские Хоромы своих сестер, а родители смотрели на это снисходительно и добродушно. Не первый раз гостил в Аршмире хлебосольный наррабанец, давно доказал свою порядочность.

Сейчас вокруг лежанки, на которой весело и красиво страдал Верши-дэр, расселись на ковре четверо юношей и две девушки. Они сидели не по-наррабански (подогнув под себя левую ногу), а как попало, но при этом явно не испытывали неловкости.

Когда лекарь Ульден отворил дверь и шагнул в комнату, он нырнул в облачко беззаботного смеха: один из юношей рассказывал нечто забавное. Лекарь не успел понять, о чем шла речь: все, обернувшись к дверям, радостно загалдели наперебой:

– Ой, Ульден!

– Заходи, Ульден, садись к нам!

– Здравствуй, ланцет двуногий! Садись прямо на ковер, мы уж тут по-наррабански…

– Ульден, где ты пропадал? Мы уже хотели просить Хранителя, чтоб начал розыск!

Молодой человек приветливо поднял руку.

Эти знатные и богатые юноши и девушки сердечно встретили не одного из городских лекарей, который в бесплатной больнице возится с хворыми нищими, а потом бредет из дома в дом, навещая более состоятельных пациентов. Нет, они загомонили, радуясь приходу последнего отпрыска Рода Ун-

криш, предки которого – от времен последней королевской династии до недавних лет – возглавляли городской совет. А что Ульден разорился и вынужден зарабатывать на жизнь лекарским ремеслом, так это не его вина, а его беда. Все равно он остается своим, с ним можно держаться на равных. К тому же Ульден отличный парень, бедность переносит мужественно, не ноет и даже уверяет, что лечить людей ему нравится!

Верши-дэр простер руки к вошедшему, заулыбался:

– Ульден, счастье моего дома! Как славно, что ты вернулся! Мы уже прощались с тобою, но расставание отодвинулось – это ли не подарок судьбы?

Увидев, что гость нагнулся к подколенным ремням своих сапог, хозяин протестующе замахал холеной кистью:

– Не разувайся! Заходи так! Видишь, я тоже не босой! – Он покачал здоровой ногой. – Эта орава грайанских невоспитанных дикарей расселась тут в обуви, и не нам с тобой научить их хорошим манерам!

«Орава невоспитанных дикарей» захихикала. Высокий, красивый юноша с вышитой на камзоле акулой (Зиннибран Стеклянная Секира, хороший приятель Ульдена) весело дал наррабанцу сдачи:

– Пусть хорошим манерам нас учит тот, кто умеет пользоваться столом и лавкой… Ульден, ты вовремя пришел. Тут Нидиор Островной Хищник рассказывает про забавный Поединок Чести… Что дальше было-то, Нидиор?

– Да почти ничего, – откликнулся загорелый Нидиор, ко-

торого Ульден не знал, но в котором за драконий скок видно было моряка. – Нагрянул капитан и заявил, что если мы немедленно не уберем мечи в ножны, то победителя он прикажет на обратном пути приколотить за ухо к грот-мачте. И плевать ему, капитану, на то, что мы оба – украшение и надежда своих Родов. Вернемся, мол, в Аршмир – там на здоровье можем рубить друг другу дурные головы, а в чужом порту это грех и срам…

– А до возвращения в Аршмир вы успели помириться? – догадалась хрупкая, рыженькая Гиранни Песня Ручья, дальняя родственница Ульдена со стороны матери.

– Верно, красавица!

Все снова расхохотались. Присоединился к смеху и хозяин, но на его лице улыбка тут же перешла в гримасу боли.

Заметил это лишь Ульден.

– Почтенный Верши-дэр, – спросил он заботливо, – как ты терпишь эту шумную банду? Хочешь, я возьму у твоей прислуги метлу и выгоню в шею этих крикунов?

– Нельзя их метлой, – вступился наррабанец за гостей. – Радость мне от них, веселье – разве это не лекарство?

– Ура! – дурашливо воскликнула темноволосая Арчели Золотая Парча, младшая сестра Зиннибрана. – Нас пожалели и не выгонят!

Ее радостный клич подхватили все, кроме Ульдена, который сердито буркнул: мол, это тот случай, когда лекарство хуже болезни…

Когда крик улегся, общее внимание обратилось на темноволосую Арчели. Брат устроил ей шуточный допрос: правда ли, что она на спор сыграла роль в одном из спектаклей театра, накрасившись до неузнаваемости. Девушка отпиралась с возмущением, но как-то неубедительно.

Воспользовавшись тем, что гости на время оставили хозяина в покое, Ульден сказал негромко:

– Все-таки их надо спровадить. Хотя бы ненадолго. Мне же надо осмотреть ногу…

– Ногу? Зачем, Ульден? Что приятного в лицезрении распухшего багрового пальца? На свете есть столько вещей, куда более услаждающих взор… кстати, показывал ли я тебе очаровательную брошь времен короля Джайката, которую мне продала одна почтенная Дочь Клана Медведя?.. Ах, да, ты не мог ее видеть, тебя тогда не было в городе! Сейчас прикажу принести эту вещичку – не подделка, действительно старинная! Может быть, даже работы самого Риаваша. Едва увидев ее, я…

– Постой, почтеннейший Верши-дэр, – приподнял Ульден руку, останавливая наррабанца. – Зачем же ты позвал меня, если тебе не нужна помощь лекаря?

– Я звал не лекаря, а друга! – воскликнул заморский вельможа. – Я был уверен, что покину Аршмир, не увидев тебя, и рад, что ошибся. За те дни, что тебя не было в городе, я успел соскучиться по твоей мягкой манере шутить, по твоему глубокому и серьезному взгляду на жизнь и людей, по

твоей начитанности, делающей праздником беседу с тобой. А для лечения подагры у меня есть Шерх с его дивными травяными мазями и отварами.

Наррабанец бросил быстрый взгляд в сторону окна, где неподвижно застыла невысокая черная фигура.

Ульден уже знал, что хумсарец Шерх, раб Верши-дэра, хранил в памяти составы многих целебных снадобий, а потому был при заморском вельможе не только телохранителем, но и лекарем. Ульден не раз выражал желание потолковать с пришельцем из таинственных лесов наррабанского запада. Но Шерх не знал грайанского языка, а когда Верши-дэр предложил себя в переводчики, хумсарец заявил, что боги его родины запрещают открывать священные секреты иноверцам…

– Может, ты ему хотя бы прикажешь поделиться со мной готовой мазью? – не удержался лекарь, не сводя глаз с покрытого узором из ритуальных шрамов лица телохранителя. – Не надо ничего рассказывать, раз ему вера не велит. Я бы сам попробовал разобраться, что туда намешано.

– Нет, – с неожиданной серьезностью ответил Верши-дэр. – Нет, дорогой Ульден. Шерх – единственный человек, которому я доверяю. Не стану сердить и обижать того, кто не раз подставлял грудь клинку, закрывая меня от удара, и кто при малейшем подозрении пробует мою еду – нет ли отравы?

Ульден хотел было возразить, что мазь можно изучить,

не обижая преданного раба. Но тут Верши-дэр заговорщическим шепотом спросил:

– Не подскажешь ли, дружище, что за юношу приводят ко мне уже второй раз? До сих пор я не слышал от него ни слова. И никто не удосужился мне его представить.

Ульден скрыл улыбку. Гости Верши-дэра располагались в его доме как у себя…

– Не то чтобы я сомневался в том, что этот гость достоин моего дома, – озадаченно продолжал наррабанец, – но… Нет-нет, я понимаю: его привели с собой мои добрые друзья, к тому же он одет как человек нашего круга… но почему он все время молчит?

Глянув туда, куда кивнул Верши-дэр, лекарь обнаружил в углу, за вырезанной из черного дерева статуей хумсарской танцовщицы, бледного восемнадцатилетнего паренька.

– О, так он стал выбираться в гости, да еще в шумной компании? Я рад!.. Пусть мой господин не беспокоится: благодаря своему происхождению этот юноша будет желанным гостем и за королевским столом. Это Лейчар Веселый Зверь из Клана Волка. Его отец ведет торговлю пшеницей, он один из самых богатых людей в городе.

Наррабанец с новым интересом взглянул на тихого юношу.

– Но почему юноша не сказал мне об этом? Я пару раз хотел его разговорить, но что-то меня останавливало…

– Господина, вероятно, останавливала деликатность.

Мальчик не смог бы ответить.

– Вот как? Он немой?

– Нет, – твердо ответил лекарь.

Так же твердо, как и в тот день, когда отец Лейчара позвал его осмотреть сына: что с мальчишкой? Не уродился ли, храни Безликие, порченым? Старший говорит не хуже прочих, а младший молчит сыч сычом, или, если к нему как следует пристать, выжимает из себя невразумительную кашу: «Э-э… ну-у… э-это…»

Ульден объяснил тогда, что мальчик просто страдает жестокой застенчивостью. И чем больше на него давить, тем сильнее завладевает им недуг.

Лекарь не думал, что сможет хоть чем-то помочь юноше. Но ему подсказали хороший путь слова старшего Волка:

«Из-за этого он и людей стал бояться. Забьется в угол и сидит, читает. Если бы не театр – вообще бы за порог ни ногой…»

Театр?

В тот же вечер Ульден пошел на представление, причем постарался усесться так, чтобы видеть Лейчара. И был изумлен: так светились глаза юноши, так отражалось на его лице все, что происходило на сцене, так старательно шевелились губы, тихо повторяя стихотворные строки о мужестве и чести, о верности и любви… Особенно вдохновенный вид был у Лейчара, когда на сцене появлялся Раушарни, игравший в тот вечер пленного полководца, которого враги ни подку-

пом, ни угрозами не могли склонить к измене.

После спектакля лекарь выудил Сына Клана из расходящейся толпы зрителей и предложил познакомить его с Раушарни. Соблазн оказался сильнее застенчивости…

Все сложилось удачно. Мальчишка принялся хвостиком таскаться за своим кумиром – уже чудесно, не все же ему дома торчать! А Раушарни не нужен собеседник. Ему слушатель нужен, причем с горящими от восхищения глазами.

Позже Раушарни охотно принял предложение, сделанное ему отцом Лейчара по совету Ульдена: давать юному господину уроки дикции. Сводились уроки к тому, что юноша торчал на репетициях и не сводил глаз с артистов. Но хорошо и то, что перестал походить на затравленного зверька и порой даже мог выговорить «да» или «нет».

А теперь, стало быть, в веселых компаниях появляется? Пусть в сторонке, пусть в уголке, но все-таки… это уже большой успех!

– Нет, – повторил Ульден наррабанцу, – молодой Волк не страдает немотой, он просто очень застенчив. Он…

Договорить лекарю не удалось: дверь отворилась, и на пороге возник щеголевато одетый грайанец, востроглазый, смазливый, с короткими холеными усиками. Встретился взглядом с хозяином, почтительно поклонился:

– Вроде и сделали дело, господин мой, и вроде не сделали…

Гости заинтересованно притихли. Впрочем, Зиннибран

сообразил, что они ведут себя неучтиво.

– Мы можем подождать в другой комнате, – поспешил он предложить хозяину.

– Ни в коем случае! – замахал руками Верши-дэр. – У меня нет секретов от друзей! Стоит ли делать тайну из того, что я принимаю участие в судьбе некоей аршмирской простолюдинки?

Гости одобрительно зашумели.

– Хорошенькая? – блестя глазами, поинтересовалась Арчели. – Молоденькая?

– Не столь хорошенькая, как присутствующие здесь барышни, – галантно отозвался наррабанец. – Но я не имею привычки вмешиваться в жизнь некрасивых и старых женщин.

– Вот слова настоящего мужчины! – торжественно заявила Гиранни. Все дружно закивали.

– Так твоим людям удалось найти красавицу, Батувис? – добродушно спросил Верши-дэр.

Вошедший еще раз смиренно поклонился:

– Увы, ненадолго. Один из моих людей заметил, как она вошла в небольшую лавчонку. Вскоре она оттуда вышла, и мой человек потерял ее.

– Как это глупо, – поморщился Верши-дэр то ли от разочарования, то ли о боли в ноге. – А что за лавка? Может, ею владеет родственник или друг девушки?

– Вряд ли. Сквозь окно мой человек видел, как девушка

продает свои украшения.

– Украшения? Какие?

– Я… не знаю…

Только Ульден, сидевший на ковре возле ложа больного, увидел, как сильно сомкнулись пальцы Верши-дэра на резных завитушках изголовья.

– Она вынуждена была продать свои украшения? – мягко и грустно заговорил вельможа после короткого молчания. – Ах, бедная, бедная! Женщины с такой горечью прощаются с мелочами, украшающими их простую жизнь! Надеюсь, твой человек догадался выкупить украшения? Их надо вернуть хозяйке.

– Ему не это было приказано, господин мой, – виновато откликнулся грайанец. – Ему было велено найти женщину…

– Ну, а теперь ему велено выкупить побрякушки! – Сквозь мягкие нотки в голосе наррабанца пробился и лязгнул металл. Но тут же Верши-дэр взял себя в руки. – Кстати, для меня это отличный повод с нею познакомиться. Наверняка девушка будет рада получить назад свои милые безделушки… Ступай – и поспеши!

* * *

Ларш возвращался в Дом Стражи, весьма гордый собою. Медведя усмирил, буйного пьянчугу приструнил, ребенка спас, никого не убил… ну, чем он вам не стражник? Чем, а?

Но вскоре понял – чем…

Потому что заблудился.

Вроде бы и направление верно держал, и море виднелось за крышами и заборами именно по правую руку, как ему, морю, и полагалось виднеться. Но город, вместо того чтобы постелить под ноги новоиспеченному стражнику неширокую улочку, ведущую к Кривой лестнице, вдруг рассыпался в крошево из тупичков, закоулков, заборов, крутых корявых ступеней, которые вроде бы должны куда-то выводить заплутавшего человека, а вот не выводят…

Можно было спросить одного из редких прохожих, но Ларша обуяла гордыня: как же, аршмирский «краб» будет узнавать дорогу, словно какой-нибудь Сын Клана, не привыкший бродить по бедняцким слободкам и безнадежно сбившийся с пути…

Наконец высокородному господину надоело строить из себя дурака. Он уже собрался через невысокий заборчик окликнуть старуху, доившую во дворе козу, и спросить, как выбраться отсюда. Но не успел и рта раскрыть, как услышал крик.

Где-то неподалеку звала на помощь женщина.

Нет, кричала не старуха (они с козой сами встревожились). Это с той стороны двора, за другим забором…

Крик повторился, жалобный и гневный:

– Пусти! Да пусти же меня!

Ларш больше не колебался. Он перемахнул через забор-

чик и побежал через двор под возмущенным взглядом хозяйки.

Второй забор был повыше. Ларш взобрался на поленницу возле него и уже оттуда перебрался на улицу.

Вслед полетело испуганное блеяние козы и вопль старухи:

– Дрова рассыпал, «краб» поганый, чтоб тебя в клочья разорвало и по земле размазало!

Прощальный привет пожилой аршмирки не заставил Ларша обернуться. Его внимание было занято безобразной сценой, открывшейся на безлюдной улочке, стиснутой глухими заборами, вдоль которых буйно разрослась сирень.

Невысокий, длиннолицый, богато одетый господин вцепился левой рукой в запястье девушки приличного вида, а правой рукой пытался влепить ей пощечину. Но девушка отчаянно уворачивалась, и гневная лапа не достигала цели.

– Это не я! – кричала девушка, пытаясь вырваться. – Говорю же, это не я! Пусти!

– Ну да, не ты! – глумливо кричал мужчина, замахиваясь. – Силуранская королева тут пробегала! Отдавай кошелек, сука!

Когда Ларш спрыгнул с забора в двух шагах от буйного незнакомца, тот обернулся – и задержал руку, не ударив.

– А-а, и стража здесь! В кои-то веки «краб» появляется, когда он нужен! Забирай эту девку, она украла мой кошелек!

– Неправда! – прорыдала пленница.

Тон, которым незнакомец обратился к Ларшу, заставил

Сына Клана вздрогнуть и нахмуриться. К таким речам он не привык и привыкать не собирался.

Не ответив грубияну, он строго обратился к девушке:

– Что здесь произошло?

Та резко обернулась к нему. Черным крылом взметнулись волосы. С побелевшего лица сверкнули темные, расширившиеся от ужаса глаза.

Взглянув в эти бездонные, отчаянные очи, Ларш вдруг поверил: на девушку возвели напраслину. Просто не может лгать человек с таким взглядом!

– Что случилось? – переспросил стражник, чтобы скрыть замешательство. Получилось грубовато.

Девушка внезапно и резко успокоилась. Надменно вскинула остренький подбородок, с вызовом взглянула на «краба». Заговорила связно и враждебно, словно не она только что задыхалась от рыданий:

– Я не брала кошелек! Шла себе по улице, и вдруг какая-то женщина пробежала мимо. Когда обгоняла меня, набросила мне на плечи это… – Незнакомка брезгливо тронула носком башмачка валяющийся на земле красный плащ с капюшоном. – И побежала дальше – вон туда, за поворот! Я растерялась, остановилась. А этот налетел, схватил меня…

– Хватит сказки рассказывать! – рявкнул бывший владелец кошелька.

Ларш растерянно оглянулся. Неужели никто не может подтвердить или опровергнуть слова девушки?

Улочка была пуста. Заборы были глухи и немы, пыльные кусты не собирались ничего советовать неопытному стражнику. Ни одна калитка не открылась на крики, ни один любопытствующий нос не выбрался наружу.

«А ведь наверняка сквозь щели подсматривают…» – зло подумал Ларш.

Девушке удалось вырвать руку из лапы мужчины. Но наутек она не бросилась. Быстро развязала бархатный мешочек, висящий у нее на поясе на золоченом шнуре.

– Вот! Глядите! У меня нет вашего кошелька!

– Скинула уже? – хмыкнул мужчина. – Успела? А ну, показывай, где его выбросила!

Тут он на миг замолчал, поднял бровь, разглядывая свою добычу. Похоже, до него только сейчас дошло, что изловленная девица молода и отнюдь не уродлива.

– Вот что, крошка, – сказал он тоном ниже, – если не хочешь в тюрьму – договоримся по-хорошему!

На стоящего рядом стражника он обращал не больше внимания, чем обратил бы на настоящего краба, добравшегося от прибрежных камней на эту тихую улочку. Карие, чуть выпуклые глаза ограбленного незнакомца масляно заблестели, полные губы дрогнули в ухмылке, и вся его молодая наглая рожа с острой бородкой вдруг так стала похожа на козлиную морду, что Ларш едва не рассмеялся.

– Я спроважу стражника, – продолжил «козел», – а ты покажешь, куда бросила кошелек, а потом за мою доброту при-

ласкаешь меня как следует. Поняла?

– Да я же не брала… – безнадежно начала девушка, но мужчине, похоже, надоело слушать. Правой рукой он схватил ее за волосы, а левая ладонь по-хозяйски прошлась по груди бедняжки. Пленница взвизгнула от боли, забилась, стараясь вырваться.

Ларш шагнул вперед и внушительно прикрикнул:

– А ну, живо лапы убрал!

Незнакомец растерялся, выпустил пленницу (та шарахнулась прочь) и воззрился на стражника так, словно тот прискакал сюда верхом на палочке.

– Ты… тварь двуногая, краб ползучий… да как ты смеешь… ты и не представляешь, что я с тобою…

Договорить ему не удалось: у Ларша лопнуло терпение. Крепкий кулак молодого Спрута почти без замаха врезался в физиономию незнакомца.

Тот пошатнулся, но устоял на ногах. Провел рукой по разбитому носу, неверяще глянул на собственную кровь.

– Ты… ну, «краб», тебе не жить! Хоть знаешь, до кого дотронулся своей поганой клешней? Я…

Второй удар заставил его не только замолчать, но и улететь спиной вперед в заросли сирени: рассерженный стражник «дотронулся» до него от души!

Несколько мгновений Ларш выжидал, не встанет ли его противник, но тот не шевелился.

Ларш встревожился: не убил ли он ненароком наглеца?

Подошел к лежащему, тронул Жилу Жизни. Бьется, голубушка! Живой он, скоро очнется…

На плечо Ларшу легла девичья ручка.

– Скорее! Надо уходить!

– Куда уходить? Надо этого дурака в чувство привести! Не знаешь, есть рядом колодец? Водичкой бы на него плеснуть…

– Во имя Безликих, какая водичка?! Сам очнется! Умоляю, бежим!

Ларш вспомнил, что бедняжка попала в неприятную историю. Когда этот гад придет в себя, он вновь начнет обвинять ее в воровстве!

Можно было, конечно, сказать ей: «Беги, а я останусь!» Но дело шло к занятному приключению, а этот грубиян… нет, правда, что с ним сделается? Полежит да встанет!

И Ларш позволил темноволосой незнакомке утащить себя за поворот улицы.

– Скорее… да скорее же! – повторяла она, испуганно оглядываясь. – Ох, что же ты натворил… Только бы он потом тебя не разыскал! Ты хоть знаешь, кто это?!

– Тролль? – хохотнул на ходу Ларш. – Оборотень?

– Ой, не шути… Дайте Безликие, чтоб он твое лицо не вспомнил, когда очнется! Это же Сын Клана, он мне сам это сказал!..

* * *

– Ну, что же это такое? – чуть не плакала пухленькая светловолосая женщина. – Он же совсем не бережет себя! Хоть ты ему скажи…

– Зря так волнуешься, госпожа мачеха, – ровно ответил рослый семнадцатилетний парень. – У отца только что был лекарь. Лучший в городе. Сам Ульден.

– Лучший, да? А чего он толком больного не осмотрел да не расспросил? Забежал и убежал… Спешил, что ли, куда?

Женщина говорила уже тоном ниже: на нее, как всегда, подействовало учтивое выражение «госпожа мачеха». Хороший пасынок, почтительный. Спокойно уговаривает:

– А зачем ему с отцом дотемна сидеть? Ульден у нас не впервые, отцовскую хворь с первого взгляда узнает…

– Ох, ему же волноваться нельзя! Ему бы в деревню… чтоб спокойно вокруг, без шума портового, без ругани… хоть ты ему скажи, Бранби!

– Скажу, – кивнул парень и поднялся на крыльцо.

На спокойной, даже флегматичной физиономии не отразилась злость, которую сейчас испытывал Бранби Жало Секиры.

Дура! Квохчущая курица! В деревню отца сманивает, уговаривает купить стадо, завести сыроварню…

Угу. Прямо сейчас. Они с отцом, потомственные моряки,

отправятся варить сыр в глухомани, где морем и не пахнет!

Впрочем, чтоб не слышать бабьих причитаний, лучше не спорить. И величать «госпожой мачехой» эту каракатицу, которая греет отцу постель. Мачеха, как же!.. У отца в каждом порту по такой жене…

– Как ты? – спросил Бранби, входя в комнату, где под легким покрывалом лежал на кровати отец.

– Паршиво, – отозвался Лабран, потягиваясь. – Она меня замучила своими травяными отварами.

– Но хоть помогают?

– А кракен их знает… От моих невзгод отварами не спасешься.

– Я могу помочь?

Отец бросил на сына быстрый взгляд.

Хороший парень вырос. Надежный.

Как все-таки добры боги к старому Лабрану: дали дожить до времени, когда своим опасным ремеслом он может заниматься вместе с сыном.

Раньше-то, в молодости, в одиночку приезжал в чужеземный порт, устраивался там жить-поживать, а попутно выяснял, когда из порта должны уйти суда с ценным грузом и какая при грузе охрана. А потом с ухмылочкой глядел вслед уходящим кораблям: незавидная их ждала участь!

Иногда Лабрану приходилось узнавать, велик ли гарнизон, несущий охрану порта, где стоят баллисты, обветшали ли стены форта, не лучше ли проникнуть в город с дальней

от моря стороны, высадив на побережье десант… Это была кропотливая работа, и Лабран делал ее старательно и с удовольствием, предвкушая, как с прибытием нежданных гостей вдребезги разлетится мирная жизнь захолустного портового городишки.

Правда, ни в одном из прежних мест не приходилось торчать так долго, как здесь. Засиделся он тут, слишком плотно влез в шкуру преуспевающего портового менялы. Вон какой обстановкой успел обзавестись…

Лабран с усмешкой оглядел комнату, задерживаясь взглядом на приметах обеспеченной жизни. Стол с ножками в виде львиных лап, мягкие стулья с низкими спинками, ветвистый бронзовый подсвечник на сундуке у кровати. А на каминной полке – серебряный поднос, начищенный так, что жена глядится в него, как в зеркало. Кое-что из этой роскоши она и принесла в дом мужа…

Немного жаль будет все это бросить – и дом, и жену. Опасно долго на одном месте жить, привязываться душой к куску суши да к людям…

Но дело того стоило. Город-то, город какой! Не убогая дыра, куда зашел-пограбил-ушел. Таких портов по всему миру много не насчитаешь. И Берниди не собирается нагрянуть сюда с обычным налетом – нет, тут планы посерьезнее! Можно только гордиться, что Лабран с сыном причастны к этим планам!.. Вот если бы только Круг не требовал от Лабрана слишком многого…

Молчание отца встревожило Бранби, он повторил свой вопрос.

– Нет, – спохватившись, ответил Лабран. – Не случилось. Просто передали мне записочку с Берниди – вот сердце и прихватило.

– Что лекарь-то сказал?

– Велел отлежаться.

– А чего от тебя хочет Круг?

– Чтоб я им чуть ли не город захватил! В одиночку! У меня и без того задачка такая, что не знаешь, с какого борта к ней подступиться. А эти барракуды требуют, чтоб я еще и Верши-дэром занялся!

– Наррабанец-то нам к чему? – опешил сын.

– Мне и сам он ни к чему, и весь его Наррабан. А вот крутись теперь, ищи к нему подход… Ладно, не забивай себе этим голову. Я уже посулил денег нужному человеку, пусть он и думает, как к вельможе подобраться. Лучше скажи, как тебе служится.

– Боцман не бранит, – ухмыльнулся сын.

Соседи недоумевали: почему Бранби, такой почтительный и послушный, не помогает отцу-меняле в лавке, а подался матросом на судно береговой охраны. А Лабран посмеивался про себя: пускай сын походит вдоль побережья, приглядится к бухточкам, отмелям, течениям. Когда в здешних водах появится бернидийский флот, ему не помешает толковый лоцман…

Бернидийский флот, да… Неужели вернется время его славы и мощи?

Было время, когда словом «бернидиец» матери в приморских городах пугали детей. Тогда эти морские демоны, выросшие на семи клочках каменистой суши, нагло грабили побережья всех стран и не давали проходу кораблям на торговых путях.

Было, было славное время, да прошло. Отсверкало абордажными клинками, отгудело канатами бортовых катапульт, отголосило ревом морских вояк, идущих в бой. Упустили свое бернидийцы, недоглядели – и страны, которые до сих пор поставляли им оснащенную парусами добычу, сами обзавелись боевым флотом и дали морским грабителям отпор.

Правда, моряки с Семи Островов не заблудились, как в тумане, в новых временах. Еще прежний Глава Круга объявил слово «пират» недостойным и оскорбительным. С тех пор бернидийцы всячески доказывают окружающему миру, что они – мирные мореплаватели. Торговцы, рыбаки, китобои… А если на морских путях по-прежнему исчезают корабли, так причиной тому коварство пенных дорог и капризный характер Морского Старца, а вовсе не «парусные акулы» Семи Островов.

Бернди торгует со всем белым светом, островные капитаны охотно подряжаются охранять купеческие суда. А если какая-нибудь из стран-придир поднимет шум из-за спаленной приморской деревушки или разграбленного городка…

что ж, на такой случай самые смекалистые и языкастые бернидийцы успели освоить ремесло посланника-дипломата. В два счета докажут кому угодно, что и городишки такого на свете никогда не было, а если и был, то корабли Семи Островов сроду мимо не проплывали.

Но если Лабрану удастся лихая затея… о, тогда бернидийцы смогут отбросить эти жалкие увертки и смело показать всем свои клыки!..

– Служи, сынок, гляди в оба, – растроганно сказал отец. – А я уж не подведу. Для наррабанского вельможи я уже кое-что придумал…

* * *

Ларш удивлялся тому, как быстро спасенная незнакомка стряхнула ужас и осушила слезы. Впрочем, незнакомкой она сразу перестала быть. Звали ее, как выяснилось, Авита Светлая Земля из Рода Навагир. Приехала она сюда навестить тетушку, оставила вещи на хранение на постоялом дворе, а сама налегке отправилась разыскивать дом, где проживает родственница. И попала в такое немыслимое и мерзкое приключение! Пришлось бы долго доказывать свою невиновность… но, к счастью, есть на свете настоящие мужчины, великодушные и отважные.

Отважный и великодушный мужчина от таких слов разомлел. И радовался про себя, что не назвался Сыном Клана.

До чего приятно, что симпатичная девушка считает тебя лихим сорвиголовой, который, если надо, и дракону хвост каблуком прищемит!

А девушка и впрямь славная, хоть и не красавица. Такие глаза блестящие, выразительные, так и пляшут в них смешинки!

И вдруг разом посерьезнела, вся плеснулась отчаянием:

– Ох, но что он теперь с тобою сделает?!

– Ну, разберусь как-нибудь, – туманно пообещал Ларш. – А куда моя госпожа идет? Где ее тетя проживать изволит?

– На Двухколодезной улице. Мне объяснили дорогу, но из-за этого ужасного случая все вылетело из головы.

У нее все из головы вылетело, а у Ларша, наоборот, все в голове встало на место. Разом вспомнились улочки-переулочки, пройденные по дороге к цирку. И эта самая Двухколодезная – всего за пару поворотов отсюда!

– Я знаю дорогу! Позволит ли барышня себя проводить?

Мелькнула мысль: надо бы вернуться в Дом Стражи, доложиться Джанхашару… а, успеется!

– Родня, наверное, ждет барышню, волнуется, – начал он учтивый разговор.

Как и утром Ульдену, Авита рассказала новому знакомому, что тетушка не знает о ее приезде и может даже не обрадоваться появлению племянницы, которую и видела раза два, не больше. Тогда придется искать жилье и кормиться своим ремеслом.

Как и Ульден, Ларш поинтересовался: каким ремеслом владеет барышня?

Авита не только рассказала о своих занятиях живописью и о наррабанском искусстве мгновенных портретов, но даже продемонстрировала свое умение. Развязала висящий на левой руке бархатный мешочек, достала одну дощечку, покрытую слоем воска, и заостренную палочку. Несколько уверенных движений палочкой по дощечке – и вот уже Авита демонстрирует новому знакомому результат:

– Вот! Наррабанцы называют это горхда!

На дощечке красовался портрет наглеца, только что оставленного лежать в кустах сирени. Странное впечатление: резкие, скупые штрихи, словно набросок к будущему портрету… но уже сейчас видно и явное сходство, и насмешка художника над неприятным ему человеком. Вроде все как в жизни – а вылитый козел!

– Интересно! – сказал Ларш, возвращая художнице дощечку. Он уже прикидывал, кого из аршмирских любителей искусства может заинтересовать необычный стиль, и сожалел, что плохо знаком с городской знатью (все-таки рос в дядюшкином замке, а в Аршмире бывал наездами). – Это только на воске – или на бумаге тоже можно?

– Как раз на бумаге и полагается рисовать, дощечку я просто ношу для набросков.

– Еще интереснее, – улыбнулся Ларш. Но тут же спохватился: – О, пришли! Надо спросить кого-нибудь, в каком до-

ме живет… э-э… как зовут госпожу?..

Проходящая мимо старушка охотно указала им дорогу, и вскоре оба стояли перед зеленой калиткой. Сквозь широкие щели видна была посыпанная песком дорожка.

– Сейчас открою, – сказал Ларш. – Тут можно просунуть руку в щель и дотянуться до щеколды.

Руку-то он просунул и до щеколды дотянулся, но вот откинуть щеколду не сумел, как ни старался.

– И не получится, – донеслось из-за забора. – Если секрета не знать, нипочем не откроешь!

В щели было видно, что по дорожке к ним спешит низенькая пожилая женщина.

Она откинула щеколду, распахнула калитку, скользнула взглядом по черно-синей перевязи Ларша и гневно подбоченилась:

– Семи лет не прошло, как явился! За «крабом» только пошли – состаришься, пока дождешься! Или надеялся, что за это время покойница оживет, возиться с нею не надо будет?.. – И скосила любопытные глаза на Авиту: – А это что за барышня?

* * *

Если у Мирвика и мелькнула мысль, что ему предстоит сладкая жизнь за кулисами театра – знай сиди да сочиняй новые сцены к старым пьесам! – то эта мысль быстро улету-

чилась.

Едва благодетель-Спрут удалился, как новому театральному работнику вручили метлу и сказали: «Сцену, зрительный зал и улицу перед входом… Вперед!»

Расстроился ли Мирвик? Как бы не так! Он принял метлу, как воин принял бы из рук мага зачарованный меч. Сочинять стихи – это прекрасно, но что-то в этом ненастоящее. Тряхнешь головой – и развеется наваждение. А вот метла – нечто вполне ощутимое!

Первая в жизни работа, за которую не рискуешь угодить в тюрьму…

Мирвик вихрем прошелся по театру – и актеры, на которых он привык смотреть с благоговением, едва успевали шарахаться с его пути. А на улице парень снизил скорость, зорко поглядывая по сторонам: не пройдет ли мимо кто-нибудь из старых знакомых, не позавидует ли?..

Закончив, отнес метлу в чуланчик под лестницей и с удовольствием напился воды из глиняного кувшинчика с крышкой, стоявшего на полке в коридоре для каждого, кого одолеет жажда.

Проходящий мимо комик Пузо снисходительно кивнул Мирвику:

– Следить, чтоб тут всегда была вода, тоже твое дело!

Мирвик понятливо закивал, глянул на дно кувшинчика и помчался за водой, с гордостью ощущая, что его место в театральной жизни становится все значительнее.

Потом Мирвика усадили за работу, которую, как он уже узнал, все в театре ненавидят, но выполняют по очереди: штопать занавес. Тяжелая ткань едва не расползалась под руками и при малейшем движении поднимала тучу пыли. Но парень млел от счастья: напротив пристроился с иглой сам великий Раушарни, а на противоположной стороне гигантского полотнища уселись прямо на досках сцены две владычицы зрительских сердец – Барилла Сиреневая Звезда и Джалена Прямое Зеркало. Лица у обеих были надутые и злые, иглами красавицы орудовали с явным отвращением, но отказаться не осмеливались: обе были наказаны за драку.

Кто ее начал – ведомо лишь Безликим. Каждая, разумеется, обвиняла соперницу. Раушарни объявил, что обе хороши, и засадил красоток за латание занавеса – на безопасном расстоянии друг от друга, чтоб иголками не дотянулись.

В старых платьях, пыльные и чумазые, актрисы походили на поденщиц, что не умаляло восторга Мирвика. Он ни на миг не забывал, что эти женщины умеют превращаться в королев, принцесс, чародеек.

– Как думаешь, – спросил Раушарни Мирвика, вдевая прочную нитку в иглу с большим ушком, – молодой Спрут насчет занавеса… слова на ветер пылью не бросает? Сумеет уговорить тетушку? Ведь кровь есть кровь, и родственные чувства стократ сильней, чем крепостные стены…

Манера Раушарни вставлять в речь фразы из пьес восхищала Мирвика. Он и сам охотно попробовал бы так, но с

непривычки не рискнул и отозвался скромно:

– Да вроде не бренчит. Думаю, попросит госпожу супругу Хранителя. А уж как она скажет…

– То-то и оно – как она скажет… Шей, паренек, не отвлекайся. Вон с твоего края бахрома оторвалась, а ты пялишься на эти… эти цветочки с шипами. Погоди, вот повертятся они у тебя перед глазами, так надоедят, что и смотреть на них не захочешь. Как на унылый бесконечный танец струй дождевых по серой мостовой…

– Уж так мы тебе надоели, Раушарни? – кокетливо спросила Барилла.

– Как собаке блохи, – напрямую, без речевых красивостей сообщил старый актер. – Жаль, что не могу разогнать всю вашу шайку бездарей и играть все роли в одиночку!

– Как, и женские? – не удержался Мирвик.

Раушарни, задорно приподняв бровь, покосился на юношу. Ухмыльнулся. Поднялся, подошел к маленькому столику, стоявшему в углу сцены, где над разбросанными листами бумаги и очиненными перьями возвышались стеклянная чернильница и глиняный кувшинчик с крышкой. (Мирвик уже знал, что в кувшинчике разбавленное водой вино – напиток, которым великий артист любил промочить горло.)

Откинув крышку кувшинчика, Раушарни сделал несколько глотков. Обернулся к собеседникам, которые вдруг превратились в зрителей. И начал мягко, задумчиво:

Подернут пеленою лунный лик…
То облачко ль на миг его затмило?
Или мои печали отразились
В небесном зеркале – и замутили
Его холодный, чистый, строгий свет?
О милый, где ты? Приходи скорее!
Будь за окошком белый день – смогла бы
Я распахнуть окно и крикнуть ветру,
Чтоб он ко мне привел тебя, любимый!
Но ночь глуха, и даже ветер спит…

Казалось бы, седовласый господин с резкими чертами лица, читающий стихотворное девичье признание в любви, должен выглядеть глупо. А Раушарни – не выглядел! Он не пытался сделать свой голос тонким, как у юной девушки. Женственными были только интонации. В них звучали и нежность, и тревога, и грусть. Лицо старого актера смягчилось, глаза засветились.

У Мирвика перехватило горло от волнения. Он обернулся к Барилле и Джалене, чтобы поделиться своим восхищением. Но восторженные слова застряли на языке, едва юноша взглянул на поджатые губки красавиц.

До сих пор актрисы бросали друг на друга ядовитые взоры. Отвернись только Раушарни, они охотно возобновили бы недавнюю драку. Но сейчас, забыв на мгновение распри, они объединились перед лицом общего противника.

– Да, – вздохнула Барилла, – смотрю я на тебя, Раушарни,

и вспоминаю: как же хорош ты был в «Принце-изгнаннике!»

– Конечно, – подхватила Джалена соболезнующе, – мужчине не дано передать в игре всю сложность женской натуры…

Мирвик поспешно склонился над пыльной тканью и заработал иглой, пряча усмешку, которая могла бы ему дорого обойтись, ибо во взглядах двух красивых злючек он прочел: «Да если еще мужчины женские роли играть начнут!..»

– Куры! – отозвался уязвленный Раушарни. – Прачками вам быть, а не актрисами! Что вы понимаете в искусстве декламации!

– Ну что ты, Раушарни, – пропела Барилла, – ты так страстно призывал возлюбленного, что у тебя под рубашкой женские грудки обрисовались…

– И нам стало страшно за твою невинность, – добавила Джалена.

– Козье стадо! – хмыкнул Раушарни. – Научились вертеть задами и трясти грудями – и уже считают, что им под силу передать тот чувств наплыв, что автор вдохновенный из-под пера волшебного излил…

Наступило короткое молчание. Мирвик подумал: должно быть, обе женщины лихорадочно ищут подходящие строки из какой-нибудь пьесы, чтобы побить противника его же оружием.

И эту паузу, словно удар клинка, срезали слова Раушарни:

– Лучшая на моей памяти женская роль была сыграна

мужчиной.

Обе актрисы разом ахнули.

– Это когда ж такое было? – ревниво и недоверчиво поинтересовалась Барилла.

– То ли шесть, то ли семь лет назад. Вас обеих еще в труппе не было. Мы ставили «Верность Эсталины»…

Мирвик опустил на колени недоштопанную ткань. Раушарни собирался вспомнить что-то интересное, а все, что имело отношение к театру, занимало юношу неимоверно.

– Как вы знаете, в пьесе всего две женские роли: верная служанка властителя замка и коварная предательница. Когда я объявил труппе, что будем ставить «Верность Эсталины», и назвал имена актрис, которые будут играть, все прочее бабьё обиженно распищалось…

– А хорошо бы вновь поставить эту пьесу, – мечтательно прервала рассказ Барилла. – Роль Эсталины как раз по мне: трагическая такая, возвышенная… А на вторую роль… – Она быстро глянула на Джалену, презрительно скривила губки. – Ну, если поискать среди труппы, может, кто-то найдется…

– Не думаю, дорогая, что роль Эсталины – это твоё, – не осталась в долгу ее соперница. – Я читала пьесу. Эсталина, если не ошибаюсь, была совсем молоденькая.

– А ну, цыц, вы, обе! – поспешил Раушарни предотвратить новую вспышку свары. – Так вот, в день премьеры все актрисы труппы, кроме тех двух, ушли из театра. Мол, такая

пьеса дурацкая, что глаза бы не глядели… Ну, ушли и ушли, зрителям дело до этого, как до наррабанского урожая кактусов… или что там произрастает, в Наррабане. Хуже другое: верной служанке и подлой предательнице, обеим этим идиоткам, показалось, что я с ними одинаково ласков. Ну, не дуры, а? Если бы я обходился с ними одинаково скверно, они стали бы лучшими подругами. А мое доброе отношение заставило их соперницами злобными сойтись, как сходятся волчицы из-за дичи голодною порой, во Вьюжный месяц…

Мирвик прикусил губу, чтобы не рассмеяться. Не было секретом, что чем хуже Раушарни обращается с актрисами, тем азартнее они рвутся в его объятия. И старость, бодрая и красивая, ничего в этом не изменила.

– Именно перед спектаклем эти дурищи принялись выяснять отношения. Ободрали друг друга, как рысь обдирает козу. Живого места на них не было! Предательницу кое-как загримировали, хотя пришлось ей играть старуху, мерзкую такую… еще и лучше вышло. А вот Эсталина захромала, на каждом шагу за колено хватается. Как тут играть?

– И впрямь дуры, – кивнула Барилла. – Не могли подождать, пока представление окончится…

– Вот именно. Где мне было взять другую актрису? Оглядываюсь. Вижу молодого безусого парня – он у нас на мелких ролях пробавлялся. Хватаю его за плечо и ору: «Платье ему!» Что роль знает, в том я не сомневался. Он хоть и был Отребье портовое, а память… всякому бы актеру такую па-

мять! Как парень ни отбивался, а выпихнули мы его на сцену. И как же он сыграл! Боги, как же он сыграл! Вам, гусыням, так не суметь, хоть в узел завяжитесь под платьями. А как он вопил в сцене пытки! Я боялся, что зрители ринутся на сцену – отбивать страдалицу у палача…

– Ой, да я же смотрел! – не удержался Мирвик. – Так это был мужчина?! А где он сейчас, этот актер?

Раушарни не успел ответить: из боковой дверцы на сцену выпорхнул человечек весьма примечательной внешности. Невысокий, с блестящей лысиной и овальной, как яйцо, макушкой, он не ходил, а словно приплясывал. С безволосой головой странно контрастировали пышные, кустистые брови, которые, не зная покоя, плясали вверх-вниз. Да и все лицо было удивительно подвижным: человечек то ухмылялся, то напускал на себя почтительный вид, то изображал трепет перед великим и грозным Раушарни, то залихватски подмигивал актрисам.

В руках у человечка были два крыла из обтянутых холстиной реек. По холстине было наклеено множество перьев.

Мирвик уже встречал этого человечка за кулисами и знал, что звали того Бики Жалящее Дерево. Бики был одним из самых ценных людей в театре, хотя ни разу не сыграл ни одной роли. Зато умел многое: шил из крашеной мешковины королевские наряды, воздвигал на сцене дворцы из всего, что подвернется под руку, клеил бумажные короны, мастерил из корявых палок посохи чародеев, лепил из глины морды чу-

довищ и нацеплял их на туловища из коряг – потом с этими тварями сражались пред очами зрителей бесстрашные воины.

Не таким уж мастером был Бики, не золотые у него были руки, зато и брал он за работу сущие гроши…

– Что ты приволок? – спросил Раушарни, заинтересованно подойдя ближе.

– Ты когда прикажешь подновить декорации? – вместо ответа вопросил Бики. – Купи краски, я сделаю.

– Обойдешься. Мне деньги не корзинами выдают, – отрезал Раушарни. – Так что принес-то?

Мирвик сдержал смешок. Он уже слышал, что великий актер был изрядно скуповат. Хоть и не был он владельцем театра, а лишь распределял деньги, которые выдавал ему Хранитель города, но каждый медяк очень неохотно выпускал из пальцев…

– Вот! – воскликнул Бики, размахивая холщовыми крыльями. – Мы всё гадали, во что королева превратит соперницу. В огромную белую птицу, вот! Джалена, мы наденем эти крылья тебе за плечи, а сверху накинем плащ. Так, в плаще, и будешь с королевой разговаривать. Когда она плеснет тебе в лицо колдовское зелье, ты упадешь, побьешься в судорогах и незаметно расстегнешь плащ. А потом поднимешься и расправишь крылья.

Джалена выронила иглу, вскочила, с ужасом глянула на ткань, усеянную взъерошенными, поломанными серо-белы-

ми перьями:

– Я… вот это… мне надеть?..

Барилла тоже поднялась на ноги, встала рядом с Раушарни. Но если тот деловито оценивал взглядом новую задумку изобретательного Бики, то первая дама театра разгоралась злым восхищением.

Мирвик остался сидеть в волнах тусклой ткани. Его душевное состояние точнее всего можно было передать восклицанием: «Ух ты!» На его глазах творилось одно из тех театральных чудес, что не постигнешь даже с самой удобной скамьи в зрительном зале.

– Ой, какая прелесть! – низким, красиво вибрирующим голосом простонала Барилла. – Это куриные, да? Сколько курятников ты подмел, Бики? Как славно придумано! Королева плеснет в лицо сопернице зелье, та будет трепыхаться на полу, путаясь в складках плаща… и из груды ткани на глазах у зрителей поднимется большая курица! Великолепно! Джалена, ты умеешь кудахтать?

– Надо будет – у тебя научусь! – огрызнулась Джалена, не глядя на соперницу. Взор ее был прикован к грязно-белому оперению.

– Нет, – изрек свое веское мнение Раушарни, – не пойдет. Не комедию ставим. Не будет смотреться.

– Конечно, не будет смотреться! – очнулась Джалена от созерцания кошмара. – А кому нравится, пускай сам цепляет на себя этот… этот привет из курятника. – Она бросила

быстрый взгляд на Бариллу. – Некоторым пойдет.

– Издали это будет выглядеть просто роскошно! – попытался Бики отстоять свое творение.

– Слышишь, Джалена? – промурлыкала Барилла. – Издали это будет выглядеть роскошно. Мой тебе совет: надень! Может, тебе повезет снова приманить Лейфати? Он в последнее время смотрит на тебя только издали…

– Ой, нужен мне твой Лейфати! – фыркнула Джалена. – Хоть скажи, правда ли, что его Раушарни подобрал в бродячем цирке? И как ты жалким фокусником не брезгуешь?

Барилла вскинула перед собой руки, явно собираясь вцепиться ногтями в лицо насмешнице.

– Красавицы, красавицы, – зачастил Бики, отважно встав меж двумя рассвирепевшими женщинами, – вы посмотрите, как это можно красиво обыграть!

Он замахал крыльями, вихрем взметнув пыль над старым занавесом.

Ответом ему было чихание Мирвика и три гневных голоса:

– Бики, уйди!

– Бики, унеси эту пакость!

– Бики, я же сказал: не пойдет! Проваливай!

Мирвик, хоть и отчаянно чихал, все же наслаждался разыгрывающейся сценой.

Бедняга Бики, пятясь под ураганом ярости, исчез за кулисами.

Барилла небрежно бросила:

– Оно и к лучшему. Курицу играть – не придворную даму изображать, тут мало смазливой мордашки. Для курицы мастерство нужно, а где ж его Джалене взять?

– Поживу с твое – наберусь мастерства! – отрезала молодая актриса.

Вроде безобидная фраза. Барилла ловила на лету куда более злые оскорбления и швыряла колкие ответы. Но именно в это мгновение она пожелала исполнить свой коронный номер, которым время от времени уснащала скандалы.

Красивое, ухоженное лицо зрелой женщины вдруг стало растерянным и беспомощным, как у маленькой избалованной девочки, которую впервые в жизни обидели. Белая рука метнулась к горлу, словно Барилле стало трудно дышать. Темные глаза, кипящие болью, скользнули по всем, кто был рядом, и остановились на Раушарни.

– Ты… ты слышал это? – неверяще произнесла она. – Ты видишь, как она обращается со мной?

Раушарни не кинулся утешать страдалицу. Джалена не сгорела на месте от стыда и раскаяния. А вот Мирвик…

Юноша бросил иголку и вскочил на ноги. На его глазах мучили и оскорбляли королеву его грез, которой он привык восхищаться из зрительного зала. Нужно было что-то делать… защитить ее…

– Воды… – негромко выдохнула Барилла. – Мне плохо… воды…

Мирвик метнулся к столу, схватил кувшинчик, из которого только что пил Раушарни (попутно смахнул на пол стеклянную чернильницу, но даже не заметил этого). Быстро заглянул под крышечку – пусто! – и рванулся было бежать за водой. Но рука Раушарни твердо ухватила парнишку за плечо.

– Куда, дурень? Представление пропустишь!

Барилла коротко всхлипнула, жалобно глядя на мужчин. Но Раушарни не растрогался. Он обернулся к Джалене:

– Смотри! В оба глаза смотри и учись! Тут тебе и надрыв, и поруганное величие, и горе в глазах! Вроде и страдает, а как красиво! Тебе так не суметь. Поэтому не ты у нас ходишь в первых актрисах. Публика ценит Бариллу!

Джалена от таких слов побледнела, а ее маститая товарка перестала судорожно вздыхать. Она все еще глядела оскорбленно и гневно, но умирать на этом самом месте явно передумала. И воды ей уже не требовалось.

– Если на представлении выдашь такой же накал страстей, – адресовался Раушарни уже к Барилле, – я тебя, глядишь, и зауважаю.

– Мне, конечно, твое уважение – что ведро бриллиантов, а только лучше б ты мне жалованье увеличил, – отозвалась знаменитая актриса голосом отнюдь не страдальческим, а очень даже деловым.

Мирвик глазами захлопал при виде такой перемены. Он чувствовал себя идиотом.

– Я тебе, чародейка ты наша, и без того плачу больше, чем любому другому в труппе, – вздохнул Раушарни. – Вот разве что Джалена захочет с тобой поделиться. – Он кивнул в сторону молодой актрисы.

– Жмот ты, Раушарни, – сообщила Барилла. – Не ценишь мое сценическое мастерство. А зритель как раз оценил. Вон как за водой дернул! – И она приятельски ухмыльнулась ошарашенному Мирвику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.